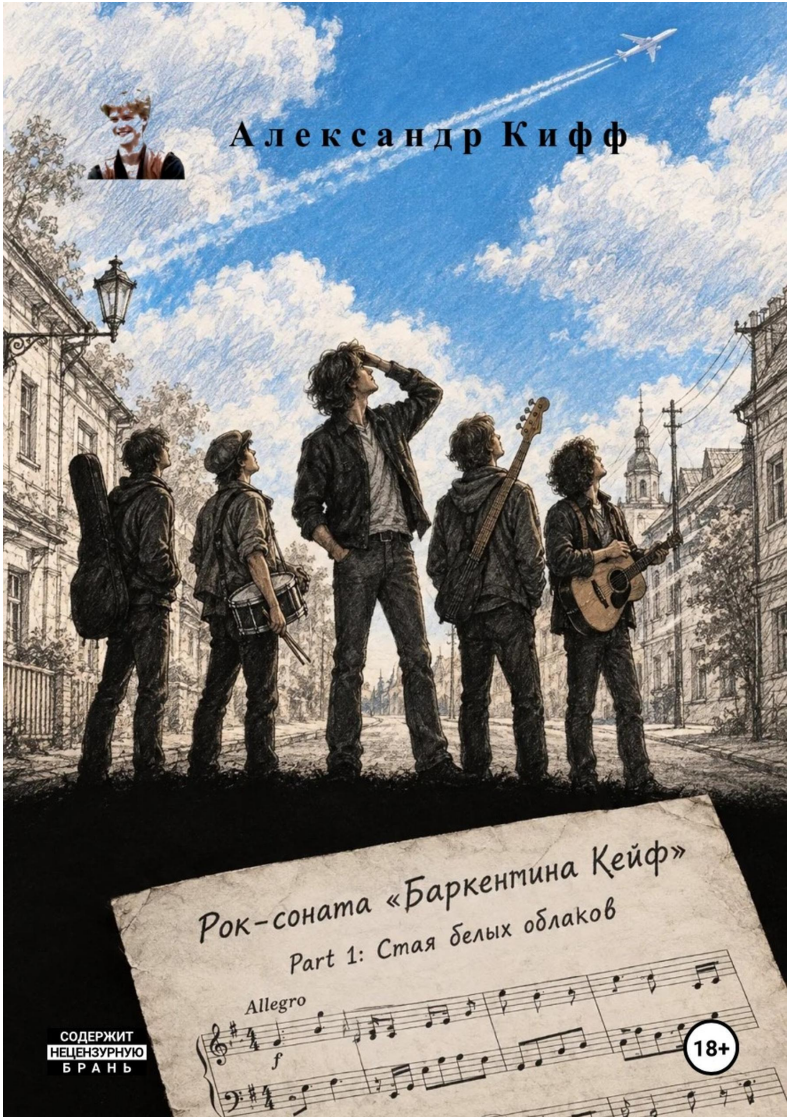

Александр Кифф
Рок-соната «Баркентина Кейф»
Part 1: Стая белых облаков
Allegro
f
18+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Александр Кифф

Рок-соната "Баркентина Кейф". Part I. Allegro. Стая белых облаков

Серия «Рок-соната: "Баркентина Кейф"», книга 1

https://litres.ru/73848123
SelfPub; 2026

Аннотация

Город, в котором даже воздух пахнет предчувствием.

Провинциальный басист мечтает стать рок-музыкантом и выступить на фестивале. У него нет ни денег, ни опыта, ни-че-го. Зато есть:

— Игнат, который набивает на его руке тату в виде шара (а шар — это философия).

— Серж, который подаёт заявку на фестиваль, не имея группы. И вообще тянет всех в разные авантюры.

— Гром, который говорит «слишком чаще чем вы моргаете».

— Каа — колючий, насмешливый, но честный. Он пилит меня всю жизнь. Но бороться с ним бесполезно. Как и с музыкой.

Рок-соната в трёх частях. С увертюрой, двадцатью двумя риффами, каденцией и кодой. И подвалом, полным воды, где эта история начинается.

«Если вы думаете, что создать рок-группу легко, вы просто никогда не пробовали. Либо у вас есть деньги.»

Александр Кифф
Рок-соната "Баркентина Кейф". Part I. Allegro. Стая белых облаков

В прошлой жизни, когда Земля была плоской, а музыка продавалась на кассетах и виниле, я играл на бас-гитаре в группе «Баркентина Кейф».

Да-да, можете представить, что я был тем самым парнем, который стоит слева от барабанов и ждёт, когда же вокалист наконец отойдёт от микрофона и перестанет купаться в софитах?

Ладно, шучу. Если игра на басу была неизменным фактором, то расположение на сцене — дело случая. Главное, чтобы прикрывал тыл фронтмена.

Если думаете, что собрать рок-группу легко, вы просто никогда не пробовали. Сами посудите: у нас не было ни опыта, ни денег, ни, чего уж тут говорить, даже инструментов. Одним словом — ни-че-го. Хотя… нет — было желание, а ещё цепочка неслучайных случайностей.

К чему всё это? Сейчас поймёте. Спустя почти тридцать лет я обнаружил на антресолях коробку с реликвиями. Это были затёртые демки, пожелтевшие афиши и фотографии,

где у всех такие смешные причёски. Надо же, я и забыл, что у меня под боком находится такое сокровище.

Окинув содержимое взглядом, я наткнулся на потрёпанный томик Блока. Достал и, кажется, ощутил нотку бергамота. Открыл наугад.

Блаженный, забытый в пустыне,
Ищу небывалых распятий.
Молюсь небывалой богине —
Владыке исчезнувших ратей.

Надо же, это было написано за сто лет до того, как слово «рокер» вообще придумали. Те же хаос, свобода и риск — только без гитары.

— Кхм. Ну и пафос. Аллилуйя не хочешь добавить? — прозвучало в голове.

Эти насмешливые, колючие интонации преследовали меня с детства.

Я захлопнул сборник:

— Вот и Каа пожаловал.

Каа — это не шизофрения, а внутренний голос. Тот самый назойливый рупор, который пилит меня всю жизнь. Бороться с ним бесполезно.

Приложив кулак ко рту, я прочистил горло, чтобы хоть ненадолго его заглушить. Затем аккуратно, словно боясь рассыпать, перенёс коробку на стол.

Сверху лежало фото группы. Мы сделали его в фотоателье и потом использовали как обложку первой записи. Я поднёс

её ближе к глазам, прищурился — пришлось надеть очки.

На фото все такие серьёзные — хотели выглядеть как настоящие рокеры. И почти получилось. Почти — потому что за минуту до съёмки Серж усаживался на табуретку и с треском порвал штаны. Мы тогда так смеялись, что нас чуть не выгнали.

В голове прозвучала мелодия: «Дон-дон, диги-дон, дон-дон-ду». Она скорее чувствовалась, чем звучала. Опять Каа. Но поёт он намного лучше, меня. Особенно завораживала последняя нота «Ду», которую он брал на октаву выше.

Нота резко оборвалась, и он вкрадчиво произнёс:

— Тебе не кажется, что сейчас самое время?

В голосе не было привычной колючести. Только ожидание.

Я вздрогнул. Он знал, что предлагать и поймал хороший момент для этого.

— Самое время для чего? — всё же решил уточнить я и огляделся.

— Да перестань ты головой вертеть, — хмыкнул голос. — Лучше послушай своего мудрого наставника и друга…

— Это ты наставник и друг? — перебил я его.

— Ты сам так решил, когда назвал меня в честь питона из Маугли.

— Эмм… вообще-то… Каа просто было моим первым словом.

— Стоп. Получается все эти годы я был для тебя про-

сто детским лепетом? — с нотками разочарования уточнил Каа.

Я не сдержал улыбку — наконец он узнает о себе правду:

— Увы, это было не только твоё имя, но и кушать, на ручки… — выдержал паузу, — …ой, я обкакался.

— Обалдеть, а я вдохновлялся Киплингом, — засопел Каа.

— Извини. Зато у тебя есть имя. А теперь давай по делу. Ты предлагаешь рассказать историю группы?

— Уж я-то, как никто другой, знаю, что тебе есть о чём рассказать. Ты давно думаешь написать о своих похождениях.

Это точно. Наших приключений хватило бы не на одну книгу. Я покосился на коробку и вспомнил свой план. Когда-то он был наброском на вырванном тетрадном листе, потом перекочевал в еженедельник, который превратился в мой дневник и судовой журнал в одном лице. Это были первые попытки зафиксировать те события. Вот ему в этой коробке было бы самое место. Но… план давно потерялся. Интересно, а изменилось бы что-нибудь, сумей я тогда его уберечь?

— Думаю давно, даже пробовал. Но ты же знаешь, что я не писатель, — возразил я.

— Есть такое дело, — задумчиво протянул голос. — Как бы у тебя… «каа» не получилось.

Я хмыкнул. Подначил моей же шуткой. Но ноутбук всё

же открыл и стал настукивать пальцами незатейливый ритмический рисунок.

— Подожди-ка, — голос что-то придумал. — А кто сказал, что это должно быть сочинение?

— Так. У тебя есть предложение? — пальцы перестали стучать.

— Ты же музыкант. Вот и напиши… музыку. Только учти, что если ты сейчас ничего не сделаешь, то коробка опять отправится на антресоли. На сколько? Год? Десять?.. Навсегда?

Я взял фото, ещё раз посмотрел на него и прислонил к кружке у ноутбука. Покрутил мышкой, ловя курсор. Пальцы чуть дрогнули. Я на секунду замер. Создать файл. Клик.

Теперь на экране белым шумом светился чистый лист.

— Музыку, говоришь? — я задумался. — Может… балладу? Рок-балладу. «О непрощённом», например.

Каа не упустил такого шанса:

— «О непрощённом»? — заржал он. — Балладу? Тоже мне, рыцарь нашёлся. Если кто из вас и был рыцарем, так это Серж, пусть и… «Печального образа». Правда в этом случае ты бы мог претендовать на роль Санчо Панса. Хотя… я понял — Дашку вспомнил?

— Мало ли кого я вспомнил, — огрызнулся я, потом вздохнул. — И её тоже.

— Баллада — это как ноябрьский дождь: серо, мокро, тоскливо. Твои мемуары или, ещё хуже, исповедь о грехах

молодости никому не интересны. То ли дело симфония, но… — по телу пробежала волна, будто Каа смерил меня взглядом. — Не потянешь. Возьмём что-то более интимное. Сонату.

— Как у Бетховена? — горделиво выпрямился я.

— Э, брат. Ну ты хватил. До Бетховена тебе… Короче, не дурак — сам понимаешь.

— Что ты меня всё носом тычешь? — я вспылил. — До рыцаря — не дорос. Симфонию — не потяну. До Бетховена… — я запнулся. — Ты мой внутренний голос, чёрт возьми. Твоя работа — не троллить, а мотивировать. Если так будешь продолжать, то мне до клиники рукой подать.

Я сопел, глядя на экран:

— Как её вообще писать?

— Будь собой и пиши по правилам. Экспозиция — знакомишь с героями. Разработка — они творят херню и попадают в передряги. Реприза — показываешь, что жизнь их ничему не научила. А то разнылся тут. Всё. Замотивировал?

— Ладно. Соната — так соната. Что внутри будет?

— Вот внутри — можешь поностальгировать. Только, давай, без соплей. Пусть это будет честная история о группе. Расскажи, как вас кидали, как зайцами на самолёте летали. Ошибались, учились на ошибках, хоть и плохо, главное продолжали играть.

Каа прицокнул — тем самым странным звуком, который невозможно издать языком, но который так отчетливо раз-

даётся в голове:

— Хотя… если хочешь, можешь и приврать. Всё равно никто не помнит, как было на самом деле. Главное — чтобы звучало.

— Я — помню, — сказал и закрыл глаза.

Сидел. Думал. Перед глазами мелькали лица. Хватит — пора в реальность.

Медленно, как после долгого ныряния, стал возвращаться на поверхность. Сколько прошло времени?

— Каа.

В ответ загудела система охлаждения ноутбука.

Голова стала лёгкой. Слова, словно на нотном стане, выстраивались в нужном порядке. С фотографии на меня смотрел молодой я и… парни. Мы там были живые. Даже те, кого уже нет. Если я сейчас начну писать — они вернутся. Хотя бы на бумаге. А потом… в том-то и дело, что Каа прав — этого «потом» может и не быть.

Я вскинул пальцы над клавиатурой, словно это фортепиано. Пропел «Дон-дон, диги-дон, дон-дон-ду». Плавно опустил руки и наиграл первое слово — «Либретто».

Либретто.

Слово пришло само. Как первые звуки саундтрека к неснятому фильму.

— Ты серьёзно?

— Каа. Быстро же ты вернулся.

— Я не мог этого пропустить. Либретто?

— Да. А что в этом такого? Звучит, как обещание, начало.

— Ещё раз. Либретто? Я думал ты начнёшь рассказывать свои забавные истории.

— Мы же решили, что пишем сонату. Это тебе не сборник баек. Тут уж сам чёрт велел с либретто начать.

— Но… Это же из оперы. Тенор орёт про облака, а сопрано истерит про цветы. И только либретто объясняет, что на самом деле речь идёт не о погоде, а они решают судьбу королевства.

— Я уже написал заголовок, а стирать жалко. И вообще, раз мы используем прозу, то почему бы и нет. Тем более, мне самому надо разобраться, что к чему.

— В чём ты хочешь разобраться?

— Соберу скелет. Чтобы потом не запутаться. Иначе тупик гарантирован. И ещё… хочу объяснить эти долбаные термины по-человечески. Чтоб не как в музыкалке, а словно мы на репе.

— А вот с терминами хороший ход. Если сделаешь без занудства. А то если я засну, то будешь один писать.

Я почесал затылок и уставился в экран. Как быть? Объяснять скучно. Если не объяснять — не всем будет понятно. Задачка, блин. Ладно, попробуем с названия. Должно получиться что-то вроде:

Соната ля-минор для бас-гитары с рок-оркестром №1.

— Почему ля-минор, а не до-мажор? — Каа словно подглядывал через плечо.

— А это самая человеческая тональность: минор — роковая, ля — без лишних диезов. Честно. Открыто. Без прикрас.

— Ты уверен? Жизнь без полутонов? Почему для баса мне понятно. Только вот звучит, как дипломная работа. Может, стоит не торопиться, а немного подумать? Вспомни, сколько ты название для группы вынашивал.

— Точно! Название группы! А если нам отойти от канонов?

Рок-соната «Баркентина Кейф».

— Название принимаю, — голос стал деловым. — В каком темпе будем играть?

— Хочу, чтобы это был цикл из трёх сонат. Каждая в своём темпе. Как три разных состояния, характера, возраста

— Быстро — медленно — ещё быстрее?

— У нас же не так было. Быстро — с надеждой, медленно — с осознанием бессмысленности, а вот третья получится всего лишь умеренно — с улыбкой сквозь усталость.

— А классики третью часть обычно делали быстрой. Ты решил их переспорить?

— Мы же не в Вене, а в России. Да и время-то какое было, вспомни? Силы на третью часть, чтобы она была быстро, закончились. Осталась только злость и ирония.

— Ты хочешь, чтобы критики раскудахтались: «Гений! Он издевается над формой! Это же метафора заката!» — Каа фальцетом изобразил восторженного критика.

— Это рок. Тут свои правила, — отрезал я.

— Твои правила — это полное их отсутствие.

— Ты смотри, какая идея. Первую сонату назовём:

Part I — Allegro: «Стая белых облаков». *Это скорость, движение. Максимализм, присущий молодости.*

— Опять про облака? — хмыкнул Каа. — Ты их в каждый заголовок тащишь. Скоро они в списке действующих лиц появятся.

— А что? Это метафора.

— Метафора — это когда понятно. Мне, например, понятно, что тогда мы думали успеть всё. И сыграть, и мир завоевать, и смысл жизни найти между 24-м и 25-м тактами?

— А потом поняли, что между ними только пауза.

— Не пауза, а генеральное сражение, — вставил Каа.

— Нет. Всё же пауза. Ты её, видно, проспал. Сражение началось после неё. И то, оказалось, что это бой с самим собой. Зато под красивым лозунгом.

Про это как раз и будет вторая соната.

Part II - Andante: «За 80 песен вокруг света». *Мы идём важно, неспешно, как будто есть цель, но не хочется достигнуть её слишком быстро.*

— Б-р-р, — сказал Каа, а передёрнуло меня. — Как вспом-

ню тот период…

— Сомневаюсь, что смог бы пережить это ещё раз, — согласился я.

— Пережил же, иначе я не узнал бы, чем эта авантюра закончилась.

— Чем-чем. Моим соло. Оно и завершит цикл.

Part III - Moderato: «Соло одной ноты». *Это как стоять на эскалаторе: ты не идёшь и не стоишь — паришь между состояниями. А герои сходят с него по одному. Но драки, перепалки и абсурд всё равно никуда не делись.*

— Три сонаты — три книги значит, — хмыкнул Каа.

— Четыре. В последнюю соберу этюды, которые не укладывались в рамки сонаты. Сделаю сборник. Чтобы вообще ничего не потерялось.

— А с чего начнётся наша история? Начать — это самое сложное.

Я посмотрел на экран. На листе было написано всего одно слово.

— Мне нужен ключ, — я задумался. — Слушай… А когда ты у меня появился? Ну, этот твой голос.

— Я не появился, а всегда был. С самого начала. Просто ты долго меня не хотел слышать.

— С самого начала, значит, — задумчиво повторил я. — Вот он ключ. Наша история начнётся с конца.

— Начало окончания конца начала…

Я дёрнул головой:

— Не путай меня. Начну с того, чем всё закончится. Пусть висит вопрос — как до этого дошло.

— То есть, ты сразу сообщишь, что убийца — дворецкий? — хмыкнул Каа.

— Если хочешь, считай это прелюдией к сексу. Разделись, настроились и тут…

— Вокалист забыл текст, — вставил Каа.

— Мы ещё толком не начали, а ты уже всю увертюру хочешь испоганить.

— Увертюра? В сонате? Слышь, ну кто тебя учил музыку писать?

— Как кто? Deep Purple и Led Zeppelin.

— Вижу, что не Чайковский. Многое ты планируешь ещё в классических формах поменять? Представляю, сколько именитых композиторов сейчас в гробу перевернётся?

— Композиторы могут не переживать. Потом всё будет, как положено. ***Экспозиция.*** *Представь, герои по одному входят в зал. Свет толком не погас, аппаратура фонит. В общем, всё как обычно.*

Разработка *— всё идёт не по плану…*

— Чему? У вас не то что плана не было — не было даже нормального названия группы.

— Поэтому в разработке делаем модуляцию в форме Фантазии. Тогда после неё произведение начнёт звучать по-настоящему.

— Ты хочешь внезапную смену темпа и настроения

оправдать не шизофренией, а «богатым внутренним миром»? Боюсь представить, что у тебя будут за главы.

— Главы? — переспросил я. — В сонате не может быть глав. Только музыкальные фразы. Даже не фразы, а гитарные риффы.

— Звук, гитары, когда её гриф душат в агонии. Твои поклонники не оглохнут от их скрежета?

— Не оглохнут. Я сделаю несколько антрактов.

— С буфетом?

— Без. Это будут интерлюдии: герои меняют декорации, а слушатель в это время может посмотреть… конечно, на облака.

— Но ты ни слова не сказал ни про репризу, ни про коду.

— Будут, — отрезал я. — Ещё и с каденцией.

— Смешно. Конец, которого не было, но он случился. И, конечно, басист должен показать, что он музыкант не второго плана. Ты как хозяин, который говорит: «Я вам и суп, и второе, и компот в одной тарелке принёс».

— Зато для тех, кто осилит эту адскую кухню, я подготовлю приятный бонус.

— О! — оживился Каа. — Десертная кода. Считайте это не финалом, а пятым углом квадрата. Музыканты — туш.

— Музыка, которая сделает финальную развязку. Это будет момент, когда вступают литавры, струнные и медный состав…

— Стоп, — перебил Каа. — У тебя же рок-группа. Откуда медный состав?

— Появится, — не сдавался я. Потому что рокеры устали, а публика должна уйти с ощущением, что её оглушили величием. Это будет апофеоз.

— Охренеть! Всё?

— Не уверен. Но остальное буду пояснять по ходу дела. Без скуки, без словаря. Теперь я знаю, как это делать.

***

Вроде вырисовывается. Действительно, циклическая соната, в трёх частях. Я выпятил грудь и посмотрел в зеркало — ну и чем теперь не Бетховен? Из зеркала смотрел самодовольный тип с глупой улыбкой. Я закинул руки за голову — и тут же скривился:

— О-о-ой! Спина! — вот и последствия тех похождений. — Оленька, Оля, — обратился я к жене. — Радость моя, готовь свои волшебные уколы.

Она подошла, бесшумно положила свои руки с длинными, красивыми пальцами мне на плечи:

— Опять тяжести таскал?

— Ага, — криво улыбнулся я. — Груз десятилетий.

— Ну иди тогда, готовь место для уколов.

Я поднял палец:

— Волшебных уколов.

— Иди. Место волшебное готовь, — она похлопала меня по плечу.

—Там, та-даам. Там, — напевал я, лёжа на диване приготовив всё, что нужно для укола. — Там, та-даам. Там. Ой! — игла прервала мелодию. — Там. Та-да-там. Там. Там. Там, — уже тише, почти шёпотом, допел я.

Краснодар, 30 ноября 2025 г.

***Part I - Allegro:* «Стая белых облаков»**

Город Юности зрелость мечтам моим светлым придал.

Overture (Увертюра).

В плену, как в мутной воде, где рыба не проживёт,
Как в летаргическом сне — живём под Богом, живём.
Сегодня мне повезло: взял под процент кислород,
Да завтра будет тепло. Бог даст и Бог заберёт.
С. Безматерных

Тверь. Где-то конец мая — начало июня 2010 г. Хотя… какая разница.

Я сидел, облокотившись на стену у входа в подвал многоэтажки. В одних трусах. А что мне ещё оставалось?

Утром, когда открыл дверь, почувствовал запах. Пахло плесенью и чем-то ещё. Сделав глубокий вдох, понял: канализацией. Запах насторожил — я огляделся.

Вот это поворот.

Мутная вода, которую я не сразу разглядел в тусклом свете, доходила до третьей ступеньки. Рядом валялась смятая сигаретная пачка. Пустая, как мои надежды этим утром.

И тишина.

Ещё вчера в этом подвале был магазин хозтоваров. А

также мой дом. Да что там дом — жизнь. Сегодня… бассейн.

— Надо же, — раздалось в голове. — Теперь у тебя свой бассейн. С таким подходом к жизни ты мог бы стать миллионером. Но вместо этого мы с тобой музыканты.

— Были музыкантами.

Каа, мой внутренний голос, единственное, что у меня осталось. Всё остальное там, внизу. Всё, что у меня было, а главное — бас-гитара. Та самая, которую когда-то дали в баптистской общине. Я представил, как она стоит сейчас там. Струны гудят от напора воды. Хотя нет. Скорее молчат. Она никогда не говорила первой. Только когда я брал её в руки. А я брал. Много лет. И тогда она пела.

Что там у психологов? Я должен пройти пять стадий принятия неизбежного?

Так они пролетели минут за десять. Ну, может, одиннадцать.

Стадия первая: Отрицание.

— Не может быть, — сказал я вслух, глядя на воду.

— Конечно не может, — подтвердил Каа. — Не парься. Это сон. Такой… реалистичный сон.

Я ущипнул себя. Больно, а вода не исчезла. И Серж — тот самый, что вечно вытаскивал нас из дерьма, в которое сам же и втягивал, — не хлопнул меня по плечу: «Не кисни, крёстный. Это временно. Вот увидишь.»

Я покачал головой:

— Сон-то — затянулся.

Каа молчал. Я перешёл к следующей стадии.

Стадия вторая: Гнев.

Пнул стену. Нога отозвалась тупой болью. Стена… а что стена.

— Сука, — выдохнул я. — А-а-а! — постарался выплеснуть эмоции при помощи крика, но связки быстро сомкнулись. Остался только хрип.

Хотел пнуть стену ещё раз. Даже занёс ногу, но передумал. Срываться на ней — глупо. Она же не виновата, что я выбрал не ту дверь. А может, и не ту жизнь.

Тогда схватил ту смятую пачку, что валялась рядом, и со всей силы швырнул в кладку. Она, отскочив, упала в воду и поплыла, как бумажный кораблик. Я, сжав кулаки, смотрел на её дрейф и понял: даже моя злость смешна. Она просто плывёт по течению, как и я.

— И на кого злиться? На себя?

Стена не ответила.

Стадия третья: Торг.

В голову пришла безумная идея: нырнуть и пооткрывать все задвижки. Вдруг вода уйдёт.

Я начал лихорадочно раздеваться. Женщина с сумками отвернулась. Мужик с собакой покачал головой. Пёс одобрительно вильнул хвостом.

Каа забил тревогу:

— Ты собираешься плыть в канализации? Отличная идея для некролога: «Музыкант утонул в дерьме, пытаясь спа-

сти гитару. Коллеги обещают написать песню.»

Я поднял голову к небу, но взгляд упёрся в потолок:

— Ну зачем так жестко? Нельзя было просто намекнуть?

— Намекнуть? — Каа, увидев, что я остановился, понизил тон. — А сколько тебе ещё намекать?

— Так я думал — пронесёт. Выкручусь.

— Упс. Не пронесло.

Стадия четвертая: Депрессия.

Сел на ступеньку. Мысли разбегались, словно я объявил общую репетицию, а они — за пивом.

Я остался без штанов в прямом и переносном смысле.

Кинул взгляд на брошенную одежду. Штаны были. А вот всё остальное... Вздох. Увы.

— Ты же знаешь, что это ещё не конец?

— А что это? — спросил я, глядя на воду.

— Это перерыв. Пауза — это тоже музыка.

— Я не слышу музыки.

— А вот Серж бы уже что-нибудь придумал, — долбил меня Каа. — Очередной безумный план, который у него почему-то срабатывает.

— Нет его рядом. Понятно? Никого больше нет.

Стадия пятая: Принятие.

Я закурил. Закрыл глаза и, прислонившись к стене, медленно сполз вниз.

— Ну? — спросил я. — Ничего не скажешь?

Каа молчал так долго, что я подумал: не утонул ли он вместе с гитарой.

— А что тут скажешь, — наконец тихо ответил он, и это было хуже любой его насмешки.

А ведь я не чувствую ничего, кроме странного, почти неуместного спокойствия. Сижу, словно на краю сцены перед залом без зрителей.

Наверное, потому, что это был не первый раз, когда всё шло по... как бы помягче... не по плану.

«Баркентина», можно сказать, теперь там — на дне. Этот корабль пережил не один шторм, прошёл рифы, садился на мель, но шёл. Надо же, а затонул в тихой гавани.

***

«Баркентина Кейф». Это я придумал название для группы. Где? В Якутии. В туалете аэропорта. Усмехнулся.

Воспоминания понесли меня далеко-далеко. На другой конец страны. Лет на тринадцать назад.

Именно там началась наша история.

Это было громко, больно и смешно.

Открыл глаза. Вода стояла на месте. А я уже был не здесь.

Ветер тронул лицо и донёс обрывок фразы: «С детства я люблю природу».

Exposition (Экспозиция).

Riff №1:

Игнат.

Или долгое ожидание старта.

— Какие у тебя странные друзья, Дороти.

— Пока они друзья, их странности не имеют значения.

(Лаймен Фрэнк Баум, «Путешествие в Страну Оз»)

Осень 1997. Город, в котором даже дождь был лишним.

— Итак… с детства я люблю природу… — Игнат мечтательно закатил глаза к потолку.

Эту фразу он только что написал в тетради. Одну фразу. И теперь ждал, когда она сама допишется.

— Ага, — тут же съязвил я. — Сажал деревья, поливал цветы.

— А что? — Игнат резко выпрямился и потыкал в мою сторону пальцем. — Подходит! «Поливал цветы, деревья», — он схватился за ручку. — Так и напишем!

— Стоп, стоп, стоп! — я выставил перед ним ладонь. — Чем поливал? Водкой? Слезами? Или… даже боюсь представить, как ты… ммм… поливаешь деревья? Не зву-чит. Как-то плоско и скучно. Короче, Игнат — это не то.

Он запустил пятерню в черную, жесткую, как проволока, шевелюру. Почесал — и она встала дыбом, будто по ней пробежал разряд тока. Уставился в тетрадь и задумался.

Я — тоже.

— Поливал цветы… поливал цветы… — бормотал я. — Вот прицепилось. Хотя… — привстал, медленно повторил написанную фразу:

— С детства я люблю природу… — и добавил: — Поливал цветы из лейки.

Мы переглянулись. Игнат потянул длинным носом — такой мог принадлежать испанскому гранду, если бы тот носил свитер, пропахший сигаретами «Прима».

— Так вроде лучше, — протянул он, словно принюхиваясь к прозвучавшей фразе.

Вдруг его глубоко посаженные глаза прищурились, словно он придумал гениальную идею и нужно было быстро оценить, насколько она безумна.

— А если… — он навис над тетрадью и, прежде чем я успел спросить, что случилось, застрочил, повторяя вслух:

— Но сравнится разве может что-то с красотой твоей?

Его вытянутое, угловатое лицо с выделяющимися скулами, расплылось в довольной ухмылке:

— Вот он, образ! Зафиксировал, — Игнат покрутил кистью в воздухе. — Забавная, я бы сказал, параллель получается. Теперь можно смело заявлять: мы не песни пишем, а жизнь объясняем.

— И горе тем, кто этого не понимает, — я двинул рюмки. — Наливай, Грибоедов.

***

Что это было? Да ничего особенного. Мы пишем очередную песню. Зачем? Потому что мы рок-музыканты. Почти.

Примерно полгода назад Игнат с его вечным энтузиазмом и неуёмной энергией предложил создать группу.

— Песни у нас есть, — размахивал он тогда руками. — Популярность, деньги, девчонки — всё будет наше. Я уже

знаю, кого подтянуть на соло гитару.

— Кого?

— Есть один на примете. Музыкалку закончил, причём по классу гитары.

— Я думал, ты будешь соло? У тебя вон какие хитрые аккорды получаются. Как ты их только придумываешь?

— Ничего я не придумываю. Это аппликатура. Поэтому я буду на ритме.

— А я тогда на чём?

— А ты на басу, — воодушевлённо сообщил он, так, словно гвоздь вбил.

Я возмутился:

— По остаточному принципу что ли?

Бас казался мне скучным инструментом. И непонятным.

— А на чём? — спросил Игнат.

Пришлось задуматься. На басу я играть не умел. Знал только, что у него четыре струны. На одну больше, чем у балалайки. На две меньше, чем у обычной гитары.

Так что арифметика была на моей стороне.

Но владению гитарой я уступал Игнату. А тому, из музыкалки, следует полагать, тем более. Да уж, чёрт, подловил. Действительно, оставался только бас.

Логика, с которой не поспоришь, была на стороне моего друга. Если бы не одно «но». Бас-гитары у меня не было, о чём я не преминул сообщить Игнату.

— Так и не нужно, — отмахнулся он. — Играешь на обыч-

ной гитаре, только без нижних струн. Тоже мне проблема.

Сложность была в том, что это было как рисовать акварелью без синего — вроде бы получается, но чего-то не хватает. Но я не хотел думать об этом. Я просто хотел играть.

— Ну? —дергал я периодически Игната. — Когда следующая репетиция?

Последняя репетиция была давно. Кстати, она же была и первой. Не получалось у нас собраться, потому что у дипломированного гитариста было то одно, то другое. Короче, не тянуло его на рок-подмостки. А вот мне не терпелось даже не столько поработать над нашими песнями, сколько нащупать, что такое бас.

— Не спешим, — отвечал Игнат. — Качество важнее скорости.

Какое качество? Его не было вообще. Мы были группой без группы. Идеей, которая не становилась делом. Зато у нас было другое — чувство, что мы на пороге чего-то большого. Чего именно — никто не знал. Но порог был приятный, и мы топтались на нём с удовольствием.

Как-то мы столкнулись у подъезда, и Игнат предложил:

— Хочешь со мной на урок?

— Урок? — опешил я. — Какой?

— По фортепиано.

— Не понял? Ты же гитарист.

— Я не гитарист, а музыкант и получаю образование.

— Так же как в школе? — тут я усмехнулся.

Дело в том, что его выгнали из двух школ. Вечерняя — тоже выгнали. Речное училище — дотянул до второго курса. И только армия — от звонка до звонка.

Игнат замялся.

— Да конечно, пошли, — хлопнул я его по плечу. Это должно быть зрелище, которое нельзя было пропустить.

Однако сначала было скучно.

— Садитесь, Игнат, — преподаватель поздоровался с нами за руку. — Покажите, что выучили.

Мой товарищ сел, выпрямил спину, положил руки на клавиши. Принял вид примерного ученика, которым никогда не был. Позёр, блин.

И заиграл.

Ля-до-ми. Фа-ре-си. До-ми-соль. Ля-фа-ре.

Я прислонил голову к стене.

— Хорошо. Продолжайте в том же духе, — кивнул преподаватель. — Я сейчас вернусь.

Ровно через три секунды спина Игната сгорбилась. Он навис над бедным инструментом. Появился хищный оскал человека, который только что дорвался до игрушки. Пальцы ударили по клавишам, и раздалось:

Дело было в ресторане, где менты висят.

Взяли Маню на кармане — фраернулася.

Платье белое в горохах, опер молодой

Шепчет ей: «Скажи, где Лёха. Отпущу домой».

Я аж подскочил.

Вроде блатной мотивчик, но в исполнении Игната получалась музыка — дерзкая, живая, с характером. Он не играл, а словно рассказывал историю.

Через минуту вернулся преподаватель. Посмотрел на Игната, покосился на меня. С сочувствием взглянул на пианино, которое, казалось, еще вибрировало от пережитого.

— Что вы играли?

— Арпеджио, — честно кивнул Игнат. — Только эти… с душой.

Педагог молчал. О чём-то думал. Потом вздохнул.

— Игнат, давайте будем учить правильные арпеджио. Те, которые без души.

— Зачем?

— Затем, что сначала надо знать правила, а потом их нарушать.

Игнат сел прямо. Надел маску примерного ученика.

Ля-до-ми. Фа-ре-си. До-ми-соль. Ля-фа-ре.

Правильно. Скучно. Без души.

Пальцы скользили по клавишам широкими интервалами. Кожа рук была бледная, с синеватым отливом там, где проступали татуировки.

А проступали они везде. Игнат был сплошь покрыт «партаками» — результатами ночных посиделок, пьяных споров и внезапных озарений.

И на груди, и на плечах, и на спине, и на руках.

Забита жопа, ноги, пах. И на тебя наводит страх.

Моя. Татуировка.

— Это мой архив, — объяснял он. — Я жизнь на коже ношу.

— Удобно, наверное?

— А то! Потерять невозможно.

Мы с ним были братьями по несчастью. У него — галерея, у меня — один экспонат, но тоже шедевр наивного искусства. Правда, мне мой экспонат давно уже не нравился.

— Хочешь, исправлю? — предложил Игнат.

— Как?

— Что-нибудь придумаю.

Это «что-нибудь» меня слегка насторожило, правда, я тут же забыл. А зря.

Совсем скоро Игнат ворвался ко мне, будто только что понял, как сделать рок-н-ролл бессмертным. В руках был сложенный вчетверо листок.

— Смотри! — протянул он, сияя.



Я развернул.

Круг. Ровный — не от руки, видно, что циркуль использовал или стакан обвёл. Тщательно заштрихованный.

— Э-э-э… — протянул я, подбирая слова. — Красиво. А что это? Круг?

— Это не круг, — в голосе Игната прозвучала нотка торжества. — Это — шар.

— Хорошо, — я пожал плечами, пытаясь переварить эту революционную мысль. — Пусть будет шар. Но для чего?

— Ты же хотел избавиться от… — он кивнул в сторону моего плеча, где под футболкой томился образец наскальной живописи. — Так давай сверху набьём этот шар!

Перед глазами мелькнула рука Игната, добрую половину которой занимала татуировка в виде щита. Он служил наглядным примером того, что у нас, скорее всего, получится.

— Хм, — пришлось думать, как теперь выкрутиться. — А ты понимаешь, что он ничего не изменит. Шар будет просто кругом на руке.

Игнат посмотрел с видом оскорблённого гения.

— Это ты не понимаешь, — громко зашептал он, и в голосе прорезались менторские нотки. — Шар — идеальная фигура. Геометрический абсолют. Это же… философия!

— А-а-а, философия. Тогда понятно.

Пришлось задуматься по-настоящему: как же донести до друга элементарные законы геометрии?

— Но ведь на руке он будет как круг! Понимаешь? — я посмотрел по сторонам. —Просто… окружность.

Игнат заерзал. Мои приземлённые аргументы вроде начинали пробивать брешь в его идеалистической теории шаров. На лице отражалась борьба гениальной идеи с суровой реальностью.

— Но ты же можешь считать его шаром? — спросил он с надеждой в голосе. — Абстрактно.

Я вздохнул.

— Игнат, да хоть обаб.. обоб.. Тьфу! Обабстрагируйся — не могу. В борьбе между философией и геометрией побеждает точная наука. Так что, извини.

Он с нежностью провёл пальцем по рисунку, потом сложил листок и убрал в карман.

— Ты просто в оковах своего сознания и ничего не видишь. Я думал, старался, а ты… Смотри сам. Я хотел, как

лучше.

— Ценю, — примирительно сказал я. — Только лучшее — это враг хорошего.

Думал, всё. Тема закрыта. Ан нет — дня не прошло. Игнат с видом собаки, которая всё ещё надеется на кость, снова извлек листок:

— Вот, — мрачно протянул его.

Круг оброс деталями.



— Солнце? — удивился я.

— Шар, — поправил Игнат. — Как ты хотел — с объёмом. Лучи создают иллюзию сияния. Сияние — это энергия, а энергия, сам понимаешь, — он сделал многозначительную паузу, — она… объёмная.

Да уж. Во вселенной Игната законы физики писались под конкретную задачу.

Я покачал головой и ещё раз посмотрел на рисунок.

Солнце.

Что-то в нём было.

— Слушай, — осенило меня. — А если лучи изогнуть? Сделать, как языки пламени.

— Гениально! — воскликнул Игнат и перевернул листок на чистую сторону.

Через минуту продемонстрировал результат.



— Ничего себе, — восхитился я. — Вот это уже энергия, жизнь.

Игнат сиял. А меня вдруг понесло:

— А под ним мы сделаем Змею!

— Зме-ю? — растерянно произнёс мой товарищ и от удивления икнул.

— Да! Представь: вверху — пламя, жизнь, энергия… — я покосился на него и показал кулак. — Шар, как ты хотел. А внизу — мудрость, древность и вечное движение.

— Это же будет… — Игнат защелкал пальцами, подбирая слово.

— Эпично! — закончил я, ткнув его пальцем в грудь.

Да. В этот момент мы были творцами. Философами, чёрт возьми!

Из старой электробритвы и заточенной гитарной струны Игнат соорудил аппарат, который гордо назвал «тату-машинкой». В качестве краски использовалась обыкновенная чёрная тушь.

— Игнат, может, попробуем пасть змеи сделать красной.

— Не. Не получится. Краска сходит. Только чёрная держится. Думаешь, я не пытался?

— Жаль. А как же делают цветные тату?

Игнат замер.

— Я слышал, — осторожно начал он, — что китайцы для красного цвета используют голубиную кровь. Попробуем?

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Говорят, цвет держится веками. Это же натуральный пигмент.

Я представил, как он гоняется по двору за голубями. Картинка выходила забавной.

Потом вспомнил интервью Оззи Осборна, на которое тот пришёл с голубями и одному из них откусил голову. Теперь воображение нарисовало Игната с бедной птицей в руках. А он хищно смотрит на неё с творческим вдохновением.

— Знаешь, — я положил руку ему на плечо, — давай-ка

обойдёмся лучше без красного.

Он засопел:

— Уверен?

— О! Ещё как.

Через несколько дней тату было готово. Вернее, партак на полруки. Хорошее напоминание из серии «я был молод и глуп».

Тебя хватил такой мандраж, что улетучилось вино.
И, позабыв какой этаж, ты сиганула вдруг в окно.
Ещё мелькал твой белый зад, когда я вышел на балкон.
И как ты думаешь, я рад, что наколол такой облом.
Моя. Татуировка.

Хорошо, что не на виду — иначе внимание органов было бы обеспечено. Что поделаешь — время такое.

А сталкиваться с ними приходилось, хотя… ничего особенного. В тот раз — с одним товарищем обмывали машину, потом заскочили к другому — он решил отметить, можете себе представить, полгода семейной жизни. Отмечал так активно, что я сбежал в другую комнату вздремнуть и, тем самым, попробовать спасти организм. Перед этим успел шепнуть Игнату:

— Идём со мной.

— Зачем? Хорошо же сидим.

Посидели-то хорошо, а вот до дома не дошли. Патруль. Документов нет. Медвытрезвитель.

Врач осмотрел меня и повернулся к патрулю:

— Этого зачем привезли?

— Так они вместе были, — пожали плечами патрульные, кивнув на Игната.

А тот стоял, держась за косяк двери, и пытался сфокусировать взгляд на табличке «Медвытрезвитель № 1». Получалось плохо.

Моя тактика сойти с дистанции сработала.

— Ты можешь идти домой, — сказали мне.

— А отвезти на место незаконного задержания? — возмутился я.

— Чего?

Тут остатки паров алкоголя ударили мне в голову:

— Значит так! Или я еду домой вместе с другом, или остаюсь с ним здесь!

Сотрудники благородного порыва не оценили. Меня скрутили. Я начал материться, потому что было больно. А что? Я имел на это право. Но был закован в наручники и отправлен в отдел, как хулиган. Не знаю, что лучше: хулиган или пьяница? В любом случае — не герой.

В обезьяннике скучал в компании собственных мыслей и голых стен, пока не вызвали к дежурному следователю.

— Везут всех подряд, кто под руку попал, — сказал он. Но штраф выписал.

Я снова был отправлен на свободу. Казённые стены словно выплёвывали меня. Опять, правда, без Игната. В этот раз

решил обойтись без бунта. Смысл?

На улице было холодно, пусто и темно. А ещё ни одной идеи, каким образом и в какую сторону добираться до дома. Общественный транспорт не ходил. Район незнакомый. Я побрёл в сторону многоэтажек — других ориентиров всё равно не было.

— Извините, не подскажете, как отсюда выбраться? — спросил у мужика, который прогревал машину. — Я тут заблудился… немного.

Он окинул меня взглядом. Видок, надо признать, был тот ещё: легкое амбре, помятый, без шапки, руки в карманах пальто.

— Ты откуда такой красивый? — спросил мужик с любопытством, приоткрывая окно.

— Долгая история, — я махнул рукой за спину. — Из отдела.

— А чего один? Друга там оставил?

— Не, — я расплылся в улыбке. — Друг в вытрезвителе.

Мужик открыл дверцу машины:

— Садись. А то замёрзнешь тут.

Это было неожиданно.

— Садись-садись, — повторил он. — Не каждый день таких героев встречаю. Заодно поведаешь, как до жизни такой докатился, что по вытрезвителям и ментовкам шатаешься.

Машина тронулась:

— Ну? Куда едем?

Я назвал район. Мужик кивнул и врубил печку на полную:

— Ну и как оно там внутри?

— Где?

— В обезьяннике.

— Холодно, — честно признался я и поёжился.

Он расхохотался, а потом сказал:

— Бывает. Я в молодости, приходилось, всякого навидался. Главное, чтоб без последствий.

Он довёз меня почти до дома. От денег отказался, их всё равно не было, а на прощание сказал:

— Ты это... друга-то своего не бросай. Даже если он дурак. Друзья на дороге не валяются.

Я вышел из машины, хлопнул дверцей и какое-то время смотрел вслед красным огонькам.

В тот период нам казалось, что мы просто дурачимся. Наивная, странная возня, как и наши первые песни. Мы строили свой музыкальный дом из того, что было под рукой и не знали каким он получится.

А потом пришёл Серж и принёс чертежи.

Riff №2:

Серж.

Или как одно объявление может перевернуть жизнь.

— И сегодня у нас в гостях великий Стиви Уандер!

Стиви, расскажите нам, с чего всё начиналось.

Как у чёрного и незрячего паренька получилось добиться таких успехов?

— *То есть как это У ЧЁРНОГО?!*

— Болит? — Игнат кивнул на руку.

Я слегка прикоснулся к плечу и тут же одёрнул руку — шар под футболкой пульсировал. Или это сердце билось в такт шару — не разобрать.

— Терпимо. Но иногда казалось, что ты хочешь проткнуть меня этой иглой.

— Бывает, — отмахнулся Игнат. — Искусство требует жертв.

— Вообще-то, искусство требует таланта. А если тут и есть жертва, то это я. Ты же мне руку в фарш превращаешь.

— Это преображение. Через боль к истине.

Я постарался взглядом передать всё, что думаю о преображении, истине и о том, куда он может со всем этим идти.

Вот так, под аккомпанемент ноющей руки и философских рассуждений Игната, мы жили. Пока однажды он не притащил газету…

— Глянь, что я нашел, — Игнат ткнул пальцем в объявление:

«Ищу единомышленников для создания рок-группы».

Я перечитал ещё раз. Газету эту знал — брал в поисках работы. Но подобных объявлений никогда не видел.

— Звоним, чё? — непринуждённо спросил мой товарищ.

— А то! — подобрался я.

Уже на следующий день мы ждали автора объявления на остановке. Погода, кстати, была премерзкая: ветер, дождь,

небо — сплошная серая тряпка.

— Сейчас околею, нафиг, — пробормотал Игнат, пританцовывая на месте.

— Держись, — усмехнулся я. — Вон видишь магазин? Там есть живительная сила.

— Водка что ли? — скривился он.

— Лучше. Настойку возьмём. Витамины, так сказать.

В магазине, чтобы согреться, да и просто, для настроения, взяли бутылку рябиновой настойки.

— Это не алкоголизм, — авторитетно заявил Игнат, пряча бутылку за пазуху. — Это профилактика ОРЗ.

— Ещё бы, — согласился я. — И душевного равновесия заодно.

Не то чтобы мы были любителями крепких напитков, но при такой погоде это казалось довольно разумным решением. Медицинским, как сказал Игнат.

Автобус подошёл с опозданием минут на двадцать.

Людей вышло немного – пара бабулек, компания школьников и подтянутый молодой человек.

— Это он, — сказал Игнат. — Больше некому.

Согласен — выбор был невелик.

Парень огляделся и уверенной походкой направился к нам. Среднего роста, но повыше, чем мы, стройный. Хотя какой там стройный — он был худой, как… спица. Но глаза… Одержимые. Такие бывают либо у гениев, либо у тех, кто давно не спал.

— Серж Заправский, — представился он, протягивая руку.

Рукопожатие оказалось крепким. Для его телосложения — просто железным.

— Серёга что ли? Я Игнат. А это…

— Александр, — коротко кивнул я, с интересом разглядывая прибывшего.

Новый знакомый повернулся к Игнату и улыбнулся:

— Можно и Сергей. Серж — это псевдоним.

— Слушай, давай, наверное, ко мне пойдём? — предложил я. — Тут рядом. А то погода прям шепчет.

— Точно. Займи, но выпей, — тихо добавил Игнат, поглаживая карман, в котором находилась бутылка.

Сергей покосился на него, видимо, прикидывая, с кем связался, потом повернулся ко мне:

— Давай. Куда нам?

Я махнул рукой, указывая направление.

— Чем занимаешься? — поинтересовался по дороге.

— Служу. В лётной части.

— О-о! Офицер?

— Ага. Старший лейтенант.

— Круто. Лётчик что ли? — встрял Игнат.

— Не совсем. Землю топчу. Короче, долго рассказывать, — просто ответил Серж.

Я прикурил на ходу:

— И как сейчас в армии?

— Да хреново. Денег не видел больше полугода, — Серж начал заводиться прямо на глазах. — Лётчикам молодым совсем летать не дают — керосина, говорят, нет. А как им, скажи, часы налёта делать?

— А рок-группа почему? — перебил Игнат. — Странно. Офицер и музыкант.

— Почему бы и нет? — Серж усмехнулся, но в глазах мелькнула тень. — Когда вокруг одни приказы и уставы, хочется хоть что-то делать по своей воле. Играть — это моя свобода. Вообще, с этим бардаком в армии я только и жду, когда сократят. Уволюсь к чёртовой матери.

Я выкинул сигарету, потому что она промокла насквозь, и поинтересовался:

— А, вообще, сам откуда?

— У меня отец военный, — гордо ответил Серж. — Так что я, можно сказать, гражданин мира.

Потом усмехнулся:

— Но вообще родом из Амурской области.

— Значит, наш. Дальневосточник! — обрадовался Игнат. — А почему Серж?

— Нас в училище, на курсе, двенадцать Сергеев было. Я не хотел быть одним из…

— Подожди, я не понял, — прервал его Игнат. — А ты был двенадцатым или тринадцатым?

Серж, резко остановился и уставился на него.

— Сергей, не обращай внимания, — похлопал я его по

плечу. — Он меня тоже, бывает, бесит. Но, поверь, за маской этого… — я смерил своего друга взглядом, — … скрывается гений.

— Чё сразу бесит? — обиделся Игнат. — Мне просто интересно.

— Я был первым и единственным, — усмехнулся Сергей. — Потому что сразу стал Сержем. Звучит как вызов.

Так мы дошли до дома. Сергей оказался простым: без рисовки, без попытки казаться круче.

Когда разместились на кухне, я разлил остатки рябиновой:

— Давайте за знакомство, и согреемся заодно.

Игнат быстро опрокинул рюмку, передёрнулся:

— Покажешь, что из своего?

— Да без проблем, — Серж тоже выпил, понюхал рукав и кивнул на гитару в углу: — Можно?

— Конечно, бери, — я протянул ему инструмент.

Он пробежался по струнам, чуть подстроил. Потом окинул нас взглядом и… запел.

Лично для меня петь было как преодолевать. А вот для Сержа, я бы сказал не иначе, как дышать.

Он словно говорил. Без напряжения. Просто позволял голосу быть.

А самое главное, если у нас с Игнатом получалась смесь Чайфов с Высоцким, а Чижа с Кругом, то у Сержа был именно рок. Он не пытался угодить. Просто играл то, что шло

изнутри.

Чего только стоил его «Подвальный блюз».

Он спал под крышей с бетонных плит

И сон его был крепок, как чистый спирт.

Он устал за последние сутки, намотал по вокзалам, дай Бог,

Побывал в зарешеченной будке, сделал Танькиной сучке аборт.

И я видел эти подвалы, чувствовал запах сигарет и старых стен. Это была не просто песня — целая жизнь, сжатая в несколько минут.

Из ступора меня вывел голос Игната:

— Клёво. Мрачно.

Потом добавил:

— Серёга, ты же лётчик! А вместо облаков — поёшь про подвалы.

Серж усмехнулся:

— Облака — это для тех, кто летает. А я землю топчу, — потом вздохнул: — Бывает и подвалы.

Он протянул гитару Игнату:

— Ну, а у вас что за музыка?

Игнат сыграл несколько вещей со своими хитрыми аккордами. Не мелодия, а лабиринт, в котором аккорды находили друг друга и придавали музыке ту самую глубину. Вот не знаю, как у него это работает, но его игра завораживала. Серж слушал внимательно — иногда постукивал пальцем по

колену, иногда просто замирал.

Насколько же у них разная музыка. Но мне нравилась и та, и эта.

Когда Игнат закончил, Серж хлопнул в ладоши:

— Отлично! С таким материалом на фестивале не пропадём.

— Стоп! — я аж поперхнулся. — Каком фестивале? Когда?

— Через три месяца будет проводиться «Тринадцатый фестиваль Дальневосточной рок- и альтернативной музыки». Моя группа получила на него приглашение.

Теперь у меня дёрнулся глаз.

— Подожди… Я правильно понял — ты подал заявку на фестиваль, не имея группы? — решил я уточнить. — Ушам не верю.

— Ну да. Вот и ищу… единомышленников, — Серж расплылся в широкой улыбке.

Игнат присвистнул. Я попытался тоже, но у меня получилось какое-то жалкое шипение.

— То, что надо! — воскликнул Игнат. — Когда едем?

— Через три месяца, — повторил Серж.

Я перевёл взгляд с одного на другого и чувствовал, как внутри всё переворачивается. Будто я стою на краю обрыва, и кто-то подталкивает меня в спину. Один самодовольно улыбался эффекту от новости. Второй готов был уже бежать и паковать чемоданы, а я… Только что мы были бездельни-

ками с гитарами, которые за полгода провели всего одну репетицию. А теперь — фестиваль. Через три месяца. И заявка уже подана.

— Мы же толком не умеем играть? — озвучил я свои сомнения.

— Научимся, — спокойно, словно отмахнувшись, ответил Серж. — Три месяца — это срок. Не боись, Шурик. Звучит безумно — ну и хрен с ним. Я уверен, у нас получится. Главное — это желание.

Игнат в ответ закивал с такой силой, что мне ненароком захотелось, чтобы сейчас переломилась его шея. Я встал, прошёлся по кухне, остановился у окна. В стекле отражалось моё растерянное лицо. Вдруг черты лица смягчились, и отражение подмигнуло:

— А ведь он прав, — сказал внутренний голос. — Ты хотел по-настоящему? Лови возможность. Посмотри, он не ждёт, пока жизнь случится. Он её делает.

Я мотнул головой, но Каа не унимался:

— Боишься? Правильно. Но если Серж готов рискнуть — почему бы и тебе не попробовать?

— Хорошо, — сказал я, повернувшись к этим двум безумцам. — Только придётся серьёзно поработать.

— Show must go on, — пропел Каа.

— Обалдеть! — Игнат аж подскочил. — А как группа называется?

Серж задумчиво пожевал губу:

— Акцент.

— Акцент? — переспросил я. — Странное название.

— А… почему так? — Игнат явно разделял моё недоумение.

— Нуу… ммм… — Серж замялся. — Вообще, Акцент — это выделение чего-либо важного… ммм… А дальше я, честно говоря, не помню.

Я поднял бровь:

— И всё?

Серж пожал плечами:

— Всё. Мне в заявке нужно было указать название группы, тогда я взял словарь и выбрал «Акцент». Мне понравилось его значение.

Мы с Игнатом молчали. Он посмотрел на меня: «Серьезно?» Я приподнял брови: «Похоже, что да».

С другой стороны, заявка уже была подана как «Акцент», так что выбирать не приходилось.

Много позже, узнав Сержа получше, я понял, что "Акцент" — ещё не самый худший вариант из тех, что могли с нами случиться. Он, вообще, был из тех, кто сразу действует особо долго не раздумывая. Даже удивительно, как он в словаре умудрился дойти до словосочетания АК.

Учитывая, что слова в словаре располагаются по алфавиту, мы вполне могли стать «Абзацем» или «Абсурдом».

— Ребята, мы группа «Абсурд»!

— А играете про что?

— Про жизнь. Она — абсурд. А мы добавляем ей ритм.

А скорее всего, Серж просто открыл словарь наобум и выбрал из того, что было на развороте.

Так что, считайте, повезло.

В тот вечер мы просидели на кухне до полуночи. Дождь за окном то затихал, то принимался стучать с новой силой, но нам было всё равно. Мы планировали своё будущее.

Серж говорил о фестивале так, будто он уже там выступает. О группе — будто она уже есть. О нас — будто мы уже музыканты.

Странное дело, я начинал в это верить. Его безумие было, как вирус. Не знаю, как он передавался — по воздуху, через слова или через взгляд, но я уже чувствовал симптомы.

Когда вышел проводить Игната, мы остановились перекурить.

— Ну что? — Игнат выпустил струйку дыма. — Похоже, мы вляпались.

— Знаешь, а мне кажется, это то самое вляпывание, которое нам было нужно.

— Почему?

— Потому что до этого мы просто сидели. А теперь — побежим.

— Движение — это всего лишь приятная иллюзия, — отмахнувшись сказал Игнат.

— Чего?

Он задумался, потом пожал плечами:

— Ну да, бред какой-то.

— Почему же бред? Знаешь, если иллюзия приятная, то я готов в неё верить.

Игнат посмотрел на меня. В полумраке подъезда его глаза блеснули:

— Не забудь, что всякая иллюзия когда-то заканчивается.

— Тогда можно будет придумать новую.

— Ты прав, — он пошевелил пальцами в воздухе. — Движение — это способ не стоять.

Игнат потыкал бычком в подоконник, затушил и, махнув рукой, ушел.

Я сделал ещё несколько затяжек, глядя, как фонарь высвечивает дождинки.

— Тебе не кажется, что тебя начинают окружать идиоты? Как думаешь, почему? — голос Каа прозвучал непривычно задумчиво.

— И-и-и? — протянул я, сопровождая взглядом полёт окурка из окна. — Это ты к чему?

— Потому что ты такой же идиот. Не будь меня и место в палате психбольницы тебе было бы обеспечено.

— Ну и чёрт с ним. Может, ты и прав, но они делают мою жизнь интереснее. А до палаты, боюсь, с тобой доберусь ещё быстрее, — ответил я, входя на кухню.

Серж оторвался от гитары, улыбнулся:

— Чего, говоришь, боишься?

— Боюсь, как бы нам не опозориться.

Он откинулся на спинку стула так, что тот заскрипел:

— Обосраться, то есть? — усмехнулся Серж. — Это тоже хороший способ начать, потому что потом хуже не будет.

Он отложил гитару:

— Пойми, страх не мешает. Он просто есть, и с ним нужно работать. Но ты не бойся — не пожалеешь.

— Я знаю.

На самом деле, я не знал, но хотел верить.

— Ладно. Поздно уже. Пойдем спать.

Серж умудрился заснуть за десять секунд — как выключатель щелкнул. Я же начал обдумывать все, что намечалось.

Вырисовывалось три пункта:

Научиться играть на басу (срочно!)

Найти нормальных музыкантов (кроме нас)

Выступить на фестивале.

Подумал. Добавил ещё один пункт.

Не облажаться.

Пересмотрел — план никуда не годился. Скорее, это была молитва. Значит, «с Богом».

Так или иначе, теперь мы действительно стали группой. А «Акцент»… может, когда-нибудь мы сами придадим этому названию тот «важный» смысл, который Серж так и не смог вспомнить. Или придумаем новое. Время покажет.

***

Intermezzo (Интермеццо) – (музыкальный эквивалент

слова «кстати») *«Кап!» — треснула тишина, словно по воде ударили ладонью. Стены проглотили звук, но не переварили, а вернули его искажённым гулом "а-ум-м".*

Бедный подвал! Он явно мнил себя если не собором, то уж точно концертным залом с идеальной акустикой. Вот и мы воображали себя крутыми рокерами. Но вместо благоговейного «аллилуйя» остался жалкий, астматический выдох эха, замешанный на пустоте и вони.

Я вздрогнул. Выдержал драматическую паузу в ожидании падения следующей капли.

Тишина. Единственное, что осталось в воздухе — моё собственное смущение от того, что я только что так пафосно прослушал одну чёртову каплю.

И долго ещё я собираюсь так сидеть? В одних трусах. Подтянул к себе штаны и начал одеваться, тем более бетон высосал из меня весь скудный запас тепла, а заодно и достоинства. Посмотрел на воду: «И что мне теперь здесь делать?» Вышел на улицу. Солнце ударило в глаза так, что пришлось зажмуриться. В глубине подвала упала ещё одна капля. Но я уже не обернулся.

В Городе мне тоже делать нечего. Это не тот порог, через который Серж заставил нас тогда шагнуть. Куда? Никто не знал, даже он. Потому что Серж был как молния — вспышка, энергия, хаос. А после молнии, как известно, приходит гром.

Riff №3:

Гром.

Или почему рыжий — это слишком.

Собрались музыканты, решили создать группу.
Пришли к мудрецу:
— Скажи, как нам играть, чтобы все нас полюбили?
Мудрец подумал и ответил:
— Играйте не слишком громко, не слишком тихо,
не слишком быстро и не слишком медленно.
— А как же понять, что не слишком?
— А вы возьмите в группу человека, который будет говорить вам об этом. Его все будут ненавидеть,
а вот музыку полюбят многие.

Мы стояли в фойе ДК «Кристалл», когда появилась женщина лет пятидесяти.

— Галина Николаевна, — представилась она. — Директор. Значит, это вы те самые музыканты?

— Они, — закивал Серж, а потом поправился: — Вернее, мы.

Он договорился, чтобы мы могли здесь репетировать. Как? Не спрашивайте. Как всегда — просто договорился.

— Сергей мне все уши прожужжал про ваш фестиваль, — она окинула нас взглядом. — Ладно. Идемте покажу, где можно будет заниматься.

Мы пошли за ней мимо стендов с какими-то грамотами и кубками. Игнат вертел головой по сторонам, как ребенок в цирке.

Галина Николаевна остановилась у двери в зал. Обернулась. Прикинула, сколько ущерба мы можем нанести за час. Толкнула тяжелую створку.

Мы вошли и… замерли, оглядывая зал.

Высокий потолок, ряды кресел, уходящие в темноту, казалось упирались в тяжёлый, бархатный занавес. Пахло так, будто здесь не выступали, а хранили время.

— Чё-о-тко, — протянул Игнат.

— Здесь и будете заниматься, — сказала Галина Николаевна.

— Прямо в зале? — спросил Игнат.

Я вздохнул. Он умел задавать вопросы. Глупые вопросы.

— Нет, — директор улыбнулась. — На сцене. Зал для зрителей. И у вас они будут, когда научитесь играть. А пока — учитесь. Сцена ваша.

Она положила руку на плечо Игната:

— Только уговор: не дебоширить, аппаратуру не попортить и не пугать вахтерш. Договорились?

— Договорились, — хором ответили мы. У каждого в голове уже созревал свой план, как именно он будет пугать вахтерш, но вслух мы решили не признаваться.

Галина Николаевна кивнула и ушла. Её шаги затихли в коридоре, оставив нас наедине с нашей великой миссией.

— Ну что? — сказал я, чувствуя себя бригадиром на стройке коммунизма. — Начнём работать?

— Пошли сцену смотреть, — Серж энергично двинулся

по залу. Мы поднялись следом за ним и огляделись.

У стены в углу стояла ударная установка с ободранными пластиками. По краям, словно стражи, застыли два комбика. На краю сцены — журавль микрофонной стойки, задумчиво склонил голову перед пустым залом. Всё это освещалось рабочим светом без софитов и цветных фильтров. Обычный свет, в котором всё видно: и старую краску на полу, и сбитые углы мониторов.

— Здесь и будем заниматься, — сказал он, обводя рукой пространство. — Пока не выгонят.

Да уж, оптимизм точно его второе имя.

Мы отгородились занавесом. Получилось приватное пространство — наш маленький мир, отрезанный от скучной реальности.

Я подключил бас, который притащил Серж из клуба своего военного городка.

«Урал». Тяжелый, как чугунный мост, с грифом из цельного бревна и струнами из проволоки для сушки белья.

Из динамиков вырвался звук — нечто среднее между жужжанием пчелы-мутанта и скрежетом ржавых ворот. Где-то в соседнем районе залаяли собаки.

— Ну как? — спросил Серж, прилаживая микрофон к стойке. — Бомба, да?

— Бомба. Я теперь глухой на одно ухо.

— Ты просто ещё не распробовал! — уверенно сказал он. — Это ж легенда! На таком сам Макаревич начинал!

— Не Макаревич, а Кутиков, — пробормотал я. — Но чуть не оглох и купил что-то нормальное.

Ворчал я для вида. Это был мой первый настоящий бас, и я всё больше чувствовал себя музыкантом. А его звук был обещанием, которое мне ещё предстояло услышать.

Тем временем, Игнат умостился за ударную установку. Услышав мои потуги, выдал:

— Саня, когда ты играешь, такое ощущение, будто трактор заводится. В хорошем смысле.

— А есть плохой?

— Есть, — захохотал он. — Это когда трактор глохнет.

— Давайте уже заниматься, иначе на фестивале нас закидают гнилыми помидорами, — скомандовал Серж. — Если, конечно, там будут помидоры.

— Будут, — уверил его я. — Это Дальний Восток — тут всё есть. Даже помидоры. Тем более гнилые.

— А нужно, чтобы нас закидали цветами, — мечтательно произнес Игнат. Он оставил в покое барабаны и расчехлял гитару.

— Сначала научись в ритм попадать, — хмыкнул Серж. — А потом о цветах мечтай.

Теперь у нас была база. Пусть даже временная, но… была. Мы должны были подготовить программу для комитета по делам молодёжи — от его решения зависело, дадут ли нам помещение и аппаратуру. Так что мы начали готовиться к выступлению, которое Серж анонсировал как «смотр моло-

дых дарований и будущего дальневосточного рока».

Вторая репетиция проходила в привычной суете.

Игнат подстраивал гитару, я пытался выжать максимум из старенького басового комбика, Серж колдовал с микрофонной стойкой, которая во время исполнения опускалась ниже и ниже. А так как при этом он был с гитарой, то приходилось следовать за микрофоном. К концу песни наш вокалист превращался в вопросительный знак.

Мы так увлеклись, что не сразу заметили — на сцене появился парень.

Секунду назад никого не было, и вот он стоит. Худощавый, с длинным хвостом рыжих волос, в потертой джинсовой куртке. Осматривался. Поймав наш взгляд, двинулся с уверенностью хозяина.

Подошел к стойке, с которой боролся Серж, и подкрутил один из барашков крепления. Стойка падать перестала. Серж благодарно кивнул.

Потом повернулся ко мне и скрипуче хмыкнул:

— «Урал» что ли? Ну, удачи.

— Спасибо, — буркнул я. — Он у меня с характером.

— Все «Уралы» с характером.

— Зато их любят панки из Австралии, — вступился за мой инструмент Игнат. — Они без примочек такой перегруз выдают.

— Неожиданно, — прибывший скользнул по Игнату взглядом с оттенком уважения.

Я первым делом подумал, что к нам пожаловал один из работников ДК. Но что-то тут не клеилось. Он смотрел на происходящее по-другому. Словно оценивал содержание, а не форму.

— Дмитрий, — коротко представился парень.

Голос спокойный, немного хрипловатый. Рукопожатие — без попытки передавить, но твердое.

— А отчество? — спросил Игнат.

— Зачем? — удивился он.

— Если так официально, значит, нужно отчество. Если бы: Диман, ну… ладно, Дима, то…

— Ты по объявлению? — перебил Игната Серж.

Рыжий ответил не сразу. Он ещё какое-то время смотрел на нашего беспокойного товарища. Потом кивнул Сержу и сел прямо на комбик:

— Давно занимаетесь?

— Достаточно, чтобы понять: мастерство — это не сколько лет играешь, а сколько косяков успел осознать, — изрёк Игнат.

Я захлопал глазами. Игнат, видно, решил сегодня удивить всех.

— Игнат, да успокойся ты уже, — одёрнул его Серж, потом усмехнулся и повернулся к Диме:

— Он у нас философ, правда доморощенный, но играет хорошо.

— А ты на чем играешь? — спросил я, когда наконец вы-

шел из ступора от сентенции Игната.

— «Peavey», — сказал он, чуть пожав плечом. — Американка. — И махнул рукой за кулисы, где у стены стояла гитара в чехле.

— Можно? — подскочил Игнат.

Дмитрий слегка напрягся:

— Только аккуратно.

Игнат рванул к гитаре. Мы с Сержем с интересом наблюдали со своих мест.

Гитара — белая, не новая, но, видно, ухоженная.

— Ни фига себе! — Игнат провёл по струнам. — Гриф — стрела, струны как шёлк. Это ж не гитара, это... женщина. Только цветы не просит и не обижается, если на ней не играешь.

— Потому что не «Урал», — усмехнулся Дима.

Игнат вздохнул, погладил деку и вернул инструмент хозяину.

— Эх, — сказал он. — Женщины они такие. Хорошие — всегда не твои.

После этого отряхнул руки, будто избавляясь от наваждения.

— Слушай, — заговорил Серж, обращаясь к Дмитрию, — а ты сейчас вообще где играешь? Или так, в свободном полете?

— Раньше играл. Сейчас ищу, с кем.

— Мы через три месяца на фестиваль едем. Дальнево-

сточный. Хочешь с нами?

Дима посмотрел на него. Потом перевел взгляд на меня. Глядя на Игната, пожевал губами.

— А вы понимаете, что это за Фест? — спросил он спокойно.

— А это имеет значение? — напористо спросил Серж. — Нас же пригласили.

— Просто я смотрю... — он сделал паузу, будто решая, стоит ли продолжать. — У вас же нет опыта. Совсем. А на фестиваль съезжаются люди, которые готовились годами.

— У нас есть три месяца, — встрял Игнат.

Дима молча повернулся к нему и так посмотрел, что даже мне стало не по себе. Игнат, кажется, ничего не почувствовал.

Да, Дмитрий был прав. Мы — новички. Хм. А может, он и есть тот, кто нам нужен?

— Тогда чего ждёшь? Позови его, — почти кричал Каа. — Или ждешь, когда это сделает Серж? Игнат?.. Хотя нет — Игнат в облаках.

— Дима, — сказал я, откладывая бас. — Так давай поможешь нам подготовиться?

Он нашёл какую-то точку на сцене и стал её изучать, постукивая пальцем по колену.

— Я не уверен, что мы подходим друг другу, — сказал, наконец, и опять замолчал.

Сидел, думал, но не уходил. Мы ждали. Потом встрепе-

нулся, погладил свою гитару:

— А покажите, что у вас есть.

Все разом ожили. Я перекинул ремень баса через плечо и пристегнул к креплению, Игнат взял свою гитару. Серж поправил микрофон:

— Звезда, — объявил он и начал играть.

Мы подхватили. Играли коряво, сбиваясь, но старались. Краем глаза я следил за Дмитрием. В некоторых местах песни он, едва заметно, поджимал губы. Когда закончили, повернулись к нему.

— Ну, в целом... — Дима вздохнул, выдержал положенную паузу. — Небезнадежно. Не идеал, но это, может, и к лучшему. Давайте еще раз. Я покажу, как эту песню сделать лучше. Только… — огляделся. — Нужно перекоммутировать всё. Ты, — он показал на меня. — Остаёшься как есть. Я займу второй комбик, а микрофон мы отключим.

— Как это отключим? — возмутился Серж. — Мне нужно себя слышать.

— Тоже верно. Тогда… тогда… Микрофон можно подключить к мониторам — Дима ткнул пальцем на колонки, стоящие по краю сцены. — Но для этого нужен пульт.

— Я сейчас у директора спрошу, — Серж уже бежал на выход.

— Удлинитель заодно возьми, — вдогонку крикнул Дима.

— А мне что нужно? — нахально ухмыльнулся Игнат.

— А что тебе не хватает?

— Талант у меня есть, а денег нет.

— Это не ко мне, — тут же отрезал Дима. — А вот бой придётся поменять — у тебя с басом каша получается.

Игнат взял пару аккордов:

— Так мы можем бас поменять.

— Не можем, а поменяем, только выстраивать рисунок будет не вокруг твоей гитары, а вокруг вокалиста, — он кивнул на входящего в зал Сержа, который тащил пульт.

Подключение, настройка, отстройка. Всё было готово.

Наконец приступили, но Дима тут же нас остановил. И началось… он не просто играл — он объяснял, показывал, поправлял. Где нужно прибавить, где, наоборот, сбавить, где сделать паузу, а где врезать так, чтобы стены задрожали.

— Слишком громко, — говорил он, когда Серж заводился.

— Слишком тихо, — когда я пытался скрыть свои косяки.

— Слишком быстро, — когда Игнат ускорялся.

— Слишком медленно, — когда мы все вместе тормозили.

— А есть что-то, что не «слишком»? — спросил его Серж, когда мы остановились перевести дух.

Дмитрий задумался. На секунду в его глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Есть, — сказал он. — Но вам до этого ещё расти и расти. И, судя по всему, не один год.

Мы выдохнули. Эти слова не обижали, а наоборот — хотелось доказать, что мы можем.

— Завтра приду, если вы не против, — Дмитрий начал укладывать гитару. — Поработаем ещё?

— Значит, вместе? — Серж был доволен. — Диман, конечно, приходи — места всем хватит.

Дмитрий прищурился:

— Можно просто Гром, — и направился к выходу.

— А Гром — это потому что слишком… слишком… — остановил его Игнат.

— Слишком долго думаешь. Гром, потому что Громилин.

Повернулся и пошёл.

Я смотрел, как он уходит — невысокий, чуть сутулый, с гитарой за спиной. Надо же, он согласился. Интересно, почему?

По дороге домой Игнат произнёс:

— Ну что? Похоже, у нас появился наставник.

— Если завтра не сбежит, — усмехнулся Серж.

— Не сбежит, — я поёжился от ветра и поднял воротник пальто.

— Откуда такая уверенность?

— Не знаю. Просто... он ведь всё видел. Зачем мы ему? Но он остался. И даже стал учить нас. Думаю, не просто так: он увидел не неопытность, а ресурс.

Серж задумался.

— А я думаю, что он устал играть сам с собой, — сказал Игнат. — Музыка ведь не терпит одиночества.

— Думаю-думаю, — проворчал Серж. — Сказал, что при-

дёт? Вот и посмотрим. Давайте, до завтра.

Intermezzo. *На улице было хорошо. Тепло. Сделал несколько шагов и осмотрел двор. Лавочка у подъезда была занята. Какая-то бабка смотрела на меня с подозрением, как на бомжа. Я не стал спорить. Бомж и есть: жил в подвале, а сейчас и вовсе остался на улице. Присел на ограждение детской площадки и, зажмурившись, подставил лицо солнцу.*

Когда Гром появился в нашей жизни, мы думали — повезло. Нет. Он просто выбрал нас. Почему? Он нам рассказал, но… это было потом.

Я сидел и грелся на солнце. Жизнь, в которой я потерял всё, могла немного подождать.

Бабка с лавочки прошаркала было мимо, но остановилась: «Вот, расселся тут — детям играть негде». Я открыл один глаз и посмотрел на неё.

— Ты кто такой? — спросила она.

— Не ваше дело, — ответил я. Усмехнулся. Потом рывком оторвался от ограждения, потёр лицо руками и стал соображать, куда идти.

Riff №4:

Лев.

Или как мы нашли барабанщика.

Группа — это когда пять человек делают вид, что слышат друг друга.

Мы гадали, придет ли сегодня Гром. Этот рыжий призрак вчера появился, сказал всё, что думает о нашей игре, и исчез

в темноте коридора. Правда, с обещанием вернуться.

— Интересно, он всегда такой? — размышлял вслух Игнат.

— Какой? — решил уточнить Серж.

Игнат пожал плечами.

— Такой… которого хочется спросить: «Ну как?», а ответ боишься услышать.

— Думаю, да, — ответил Серж. — Иначе бы не сказал «слишком» сто раз за час.

— А мне этот Дима понравился, — сказал я. — Он хотя бы честный. Не то что те, кто кивает, а про себя думает: «какой же ты убогий».

— Это ты про кого? — насторожился Игнат.

— Ты точно можешь не беспокоиться.

Вроде бы с Громом было не просто, но почему-то хотелось, чтобы он вернулся.

Дверь распахнулась. Всё же пришёл?

Это был не он.

В зал вошли двое — вылитые злодеи из «Один дома». Один высокий, худой, с длинным носом. Другой — коротышка с цепким взглядом. Остановились, привыкая к сумраку зала. Высокий кивнул на сцену и широкими шагами двинулся к нам. Мелкий тут же спохватился и поспешил следом с такой скоростью, словно опаздывал на собственную жизнь.

Мы наблюдали за приближением незнакомцев. Серж напрягся и шагнул вперёд:

— Вы кто?

— Не ваше дело, — усмехнулся коротышка.

Мы с Игнатом переглянулись, а у Сержа отвисла челюсть ровно настолько, что туда можно было положить медиатор.

Высокий к этому времени встал у края сцены, скривил губы на реплику своего напарника и чуть заметно покачал головой — не то осуждая, не то извиняясь за него.

— В смысле не наше дело? — вышел я из-за спины Сержа.

— В смысле я — Матвей, — представился высокий, растягивая гласные, словно напевал. Причём в свой длинный нос, что делало голос несколько гнусавым. — А это Аркаша, — он кивнул в сторону коротышки. — Мы — группа «Не ваше дело».

Только теперь до нас дошло — они прикалывались. Конечно, с таким названием грех не подшутить над теми, кто даёт возможность. Я посмотрел на Игната. Он поджал губы и одобрительно кивнул: «А вот у нас так не получится». В ответ я развёл руками: «„Акцент", какая уж тут шутка».

— «Не ваше дело»? Я слышал о вас, — сказал, выходя из-за кулис Дима-Гром. Оказывается, там был отдельный выход на сцену. Теперь понятно, как у него получилось вчера внезапно появиться.

— А ещё слышал, что вы уехали, — он прошёл по кругу, здороваясь со всеми.

Аркаша уселся на комбик:

— Прикинь, Матвей, о нас слышали. Приятно.

Матвей усмехнулся и развел руками:

— Верно. Было дело, когда «Не ваше дело» — тут он хмыкнул получившемуся каламбуру — тусовались в Москве, а потом…

Он зашмыгал носом, но фразу тут же подхватил Аркаша:

— А потом мы рванули в Швецию.

— В Москве? — спросили мы с Сержем одновременно.

— В Швецию? — добавил Гром.

— А там тоже пьют? — отложил гитару в сторону Игнат. — Я слышал, у них абсент особенный. Алкогольный туризм, культурный обмен.

Матвей посмотрел на него с долей уважения. Видимо, Игнат задал правильный вопрос. Единственный важный вопрос в этой ситуации.

— Ага, — подскочил Аркаша. — И пьют, и рок-н-ролл, и рыжие девушки с викингами вооружённые гитарами.

Он остановился посреди сцены, резко повернулся к Матвею и уже другим голосом сказал:

— А на самом деле... — защёлкал пальцами, подбирая слово.

— Оказалось, что там тоже деньги платить надо, — продолжил Матвей, подтягивая к себе стул. — Мы альбом начали писать. А потом: денег нет, визы нет и местные…

Они переглянулись.

— … Местные как-то без нас прекрасно живут, — наконец закончил Матвей, покосившись на Аркашу. — Короче,

вышвырнули нас.

Эти парни превосходно дополняли друг друга — один задавал тон, второй добивал деталями.

— Всё равно не понятно? — я перевёл взгляд с одного на другого. — Что с местными-то не так?

Аркаша махнул рукой:

— Да ерунда. Не бери в голову.

Матвей подошёл к своему товарищу и положил руку на плечо:

— Мы думали, нас там ждут. Продюсер горы золотые обещал. А потом свалил. Ну а шведы… просто жили своей жизнью. Какое им дело до нас.

Аркаша задрал голову, чтобы посмотреть на Матвея:

— Когда мы оттуда уезжали, никто не плакал. А тут... Увидели ваше объявление — стало интересно, кто здесь еще с ума сходит.

— То есть у вас ничего не получилось? — разочарованно спросил я.

— Почему же? Получилось понять, что мечты — это мечты, а работа — хм… это работа.

— Когда вы появились, — демонстративно выдохнул Серж, — я приготовился объяснять, почему мы тут дымим как паровозы.

— Мы думали, — признался я, — что вы из ДК. Работники.

— А мы и есть работники, — ухмыльнулся Матвей. —

Бюро добрых услуг. Услуга первая: составить компанию в бессмысленном музицировании.

— А вторая? — спросил Гром.

— Не дать вам разбежаться, когда всё надоест.

— Третья? — подключился я.

— Третья будет, когда до неё доживём, — Аркаша достал сигареты. — Так что пока работаем над первыми двумя.

Сказано было таким тоном, что все засмеялись. Табачный дым над сценой стал гуще, а атмосфера — своей.

Серж, как организатор этого безобразия, начал нас представлять:

— Это Игнат. — Тот важно кивнул.

— Шурик. — Я поднял руку.

Глядя на Грома, Серж запнулся, поэтому он представился сам:

— Дима.

При этом покосился на Игната. Видно, в прошлый раз получил урок.

Потом Серёга рассказал про фестиваль, что для получения репетиционной базы нужно представить программу Комитету по делам молодёжи.

— Знакомая песня, — вздохнул Матвей. — Бюрократия — это такой своеобразный рок-н-ролл, только без гитар. Вообще, нас тоже база интересует. Мы думали, может, вольемся в какой-нибудь коллектив. А у вас тут своя тусовка, да ещё и с фестивальными амбициями.

— А если мы к вам всё же прибьёмся? — спросил Аркаша. Он прищурился, глядя на Сержа. — Давайте вместе подготовим программу для… этих, из комитета. Как? Не против?

— Да без проблем, — пожал плечами Серж. — Место есть. А опыт прожжённых музыкантов нам не помешает.

— Прожжённых? — усмехнулся Матвей. — Это мягко сказано. Мы горели. В прямом смысле. В Москве у нас комбик загорелся.

— Прямо на сцене? — Игнат сделал большие глаза.

— Не. На улице. Только включились, а из него как повалит дым. Люди думали — спецэффекты.

— Потушили? — чуть ли не шёпотом спросил Серж.

— Ага, — усмехнулся Матвей. — Вместе с концертом.

— Концерт на улице? — не понял я.

— И на улице, и в переходах, и на сцене. Где только концертов не было.

Вот так с полушуток завязалось наше знакомство с этими музыкантами. «Не ваше дело» были бродягами от рок-н-ролла.

***

— Я чего задержался-то, — тихо сказал Гром.

Я ещё вчера обратил внимание на то, что он предпочитал такую манеру общения. Все волей или неволей вынуждены были навострить уши, когда он говорил.

— Встретился с одним знакомым, — продолжил он. — Барабанщик. Возможно, присоединится к нам.

— Возможно? — переспросил Серж.

— Да. Он завязал с музыкой, но сказал, что подумает.

— Надеюсь, он не слишком долго будет думать, — задумчиво сказал Игнат, на что Гром просто хмыкнул.

Так что на следующей репетиции появился высокий чернявый крепыш с щербатой улыбкой. Странное дело — отсутствие переднего зуба его не портило, а придавало какую-то разбойничью харизму.

— А вот и он, — сказал Гром. — Знакомьтесь, Лев. Наш барабанщик.

Парень кивнул, окинул взглядом нашу компанию и улыбнулся еще шире:

— Вы не смотрите, что беззубый. Лев и без зуба — не котёнок.

Игнат попытался сдержать усмешку, но она карканьем вырвалась наружу. Я же почувствовал в нём родную душу и понял — свой.

— Дима сказал, что вы к фестивалю готовитесь? — Лев махнул головой в сторону Грома. — Я не против подключиться. Давно хотел из застоя вылезти.

— А играть не разучился? — с подозрением спросил Серж.

— Ты на велосипеде как?

— Ну… держусь.

— Вот и я так же. Руки помнят, так что дайте палочки — и погнали.

— Лев был лучшим из тех, с кем мне приходилось играть, — заступился за товарища Гром.

— Тогда чего тянуть. — Серж сделал шаг в сторону и показал на барабаны. — Попробуем?

Лев подошел к установке, крутанул тарелку. Чуть поправил стойки. Потом уселся и кивнул Сержу:

— Начинайте.

Мы заиграли. Ту самую песню, что разбирали с Громом. Лев слушал. Зазвучал хэт, словно дождь по железу. Вступила бочка — я ощутил дрожь досок сцены. Сбивка на малом вышла немного корявой, а потом...

Он не просто поймал ритм — он его создал. И мы, сами того не замечая, поплыли следом.

Даже Гром, который обычно морщился от каждого косяка, играл с непроницаемым лицом.

Когда закончили, Игнат присвистнул:

— А он ничего так.

— Ты про что? — спросил Серж.

— Про него, — он ткнул пальцем в барабанщика. — Он же нас всех вытянул. Мы без него как без рук.

— Как без ног, — поправил Гром. — Барабанщик — это основа. Без него вы просто шум.

— Спасибо, — усмехнулся Лев. — Сейчас разрыдаюсь от таких комплиментов.

— Это не комплимент, — отрезал Гром. — Это констатация.

Гром продолжал показывать себя очень скупым на эмоции.

— Теперь — «Слёзы», — скомандовал он.

Лев пробежал палочками по хай-хэту:

— Нет-нет-нет. Давай ещё раз эту же. Там в припеве, например, смазан переход.

Он палочкой показал на меня и Сержа:

— Покажите, что вы там играете?

Фразу за фразой мы стали разбирать эту песню.

— Все. Перекур, — стянул гитару Серж.

За кулисами мы организовали курилку и потянулись туда.

— Можно? — Лев остановился рядом с гитарой.

— Да, конечно.

Барабанщик взял гитару. Ударил по струнам, прислушался. Потом закурил, воткнув сигарету прямо в то место, где должен быть зуб. Зазвучал перебор.

Наполнит лето солнцем свой кувшин,

И нам отведать даст глоток цветочных вин.

Так закружится ваша голова,

Что мягче пуха, станет вам трава.

Голос звучал слащаво, но чисто. Непривычно чисто.

Теряет краски небо от жары.

Нет сил подняться и добраться до реки.

Крадётся полдень, воровато прячет тень,

И рядом с вами сядет, жмурясь, лень...

А потом Лев словно переключил ритм. Добавилась ба-

совая линия — сочная, с раскачкой. Он пренебрежительно ухмыльнулся и показал голос. От слащавости не осталось ни следа. Небрежным баритоном стал рассказывать историю дальше.

— Ты гонишь, — выдохнул Игнат, когда Лев закончил. — Где так научился?

— В музыкалке, — пожал плечами тот. — А потом в армии. Там знаешь, какая тоска? Хочешь не хочешь, а запоешь.

— А потом что? — спросил Серж.

Лев перевёл взгляд на барабаны.

— Да ничего, — сказал он тихо. — Надоело. Думал, перебешусь. Работа, жена, ремонт… Но нет. Оно внутри сидит и стучит. Особенно по ночам. Во сне уже стал играть и петь.

— Так ты и за барабанами петь можешь? — уточнил Серж.

— Фил Коллинз же может, — улыбнулся Лев. — «Я не певец, который немного играет на барабанах. Я барабанщик, который немного поёт» — процитировал он.

На следующую репетицию Лев пришёл с сюрпризом.

Сюрприз семенил за ним, чуть покачиваясь на коротких лапах. Бультерьер. Широкая грудь, морда — кирпичом, маленькие умные глаза — гладиатор собачьего мира.

Я таких всегда побаивался. Мощные. Опасные. Но этот смотрел с таким выражением, будто говорил: «Я хороший мальчик просто немного странно выгляжу».

— Это Каспер, — представил его Лев. — Не бойтесь, он

не кусается. Если, конечно, не провоцировать.

— А как его нужно провоцировать? — загадочным шёпотом спросил Игнат.

— Ну... — Лев задумался. — Я как-то раз дал ему сырой окорочок. Так еле успел выскочить из кухни и захлопнуть дверь. Потом стоял и слушал, как там происходит передел мира.

— А потом? — я поёжился, как от холода.

— Ничего. Вышел, облизнулся и смотрит на меня, как ни в чём не бывало. Мол, а чё такого хозяин? Окорочок был вкусный. Ещё дашь?

Я представил эту картину, и Каспер в моих глазах стал еще симпатичнее и… опаснее.

Теперь пёс тоже стал частью группы. Лёва при помощи противовесов занавеса фиксировал поводок, и Каспер, помахивая своим коротким хвостом, спокойно усаживался в углу сцены. Он не мешал, не отвлекал, просто присутствовал и создавал атмосферу.

Теперь у «Акцента» был полный состав:

Серж — это мотор. Набирает обороты. Боюсь, потом его не остановить.

Гром — если он молчит, значит, играем правильно.

Игнат — его пальцы сами находят аккорды, которых нет в учебниках.

Лев — у него ритм встроен туда, где у остальных просто пульс.

И даже Каспер — ничего не делает, но без него как-то не так.

Кого забыл? Ах, да — себя.

Riff №5:

За неимением гербовой…

Или как мы получили подвал вместо славы

— Поступайте в наш хор, — агитировал хормейстер одного из своих знакомых.

— Уверен, что вы останетесь очень довольны. Мы собираемся по пятницам:

сначала выпьем стакан-другой, потом рассказываем анекдоты, играем в карты,

а после этого танцуем.

— Это очень интересно. А удается ли вам петь?

— А как же, обязательно. По дороге домой...

Себя, значит. Правильно, я же басист. Нас не видно, пока не начнём играть мимо. И то…

Порой кажется, что меня вообще не замечают. А потом спрашивают: «Куда пойдем?» — и ждут.

Смахиваю волосы с глаз. Хм… Налево — долго. Просчитал риски: направо — дорого. Прикинул запасной план: прямо. Нет, прямо — страшно.

— И что тогда остаётся? — влезает Каа.

— Остаётся единственный маршрут — за пивом.

— Это не маршрут, а способ прожить вечер, — с укоризной ответил внутренний голос.

— Значит, проживём. Главное, что это не отменяет пиво.

— Системный подход? — ворвался в мои размышления Гром.

— А? — посмотрел я на него.

— Похвально. Бесполезно, но похвально.

— Почему бесполезно?

— Потому что играть за две недели вы всё равно не научитесь. Только нервничать начнете раньше времени.

— А что делать? Нам же нужно, чтобы комиссия дала базу для репетиций.

— Работать нужно. Много. А вам тем более. При этом всё равно нервничать. Других вариантов нет.

Так что следующие две недели мы репетировали как проклятые.

Лев приводил Каспера, который теперь сидел в углу с видом генерала на пенсии. «Не ваше дело» приходили через раз, но, когда появлялись, включались по полной.

— А зачем содрали этот проигрыш? — хмурился Матвей.

— Мне нравится, — выпячивал грудь Серж.

— Проигрыш — огонь, — усмехнулся Аркаша. — Когда он у «Коррозии металла».

Гром, не поднимая головы от гитары:

— Слишком много болтовни. Работаем.

Особенно тяжело давалось басовое соло из песни «Змея». Небольшой кусочек на четыре такта, но я никак не мог пой-

мать нужный драйв.

— Нет нерва, — говорил Гром. — Ты играешь так, будто извиняешься.

— Какого нерва? Они у меня уже все наружу. Смотреть, наверное, страшно.

— Торопишься. Вход должен быть чётче.

Я начинал заново. Пальцы не слушались. Опять смазал. И ещё раз. Я не играл, а умолял это место зазвучать.

Каспер, когда я доходил до этого фрагмента, смотрел на меня в ожидании: «Ну давай, дружище, сделай». Потом клал тяжелую голову на лапы: «Нет. Это пока не то».

Даже собака понимала, что я лажаю.

— Ладно, на сегодня хватит, — Гром отключил гитару. — Собираемся.

Мы быстро прибрали за собой и вышли в коридор.

Впереди важно семенил Каспер. Ну а мы, словно его группа сопровождения.

Тут нас обогнали три девушки лет по семнадцать. Они шли быстро, смеялись, и их смех эхом разносился по пустому коридору.

При виде нас сбавили шаг. Сейчас подойдут и скажут: «Ой, ребята, вы так круто играете!»

Но внимания девушек удостоился только Каспер.

— Посмотри, какая уродливая собака, — сказала одна из них.

Ничего себе. Да, он не красавец. Морда поросячья, глаза

— два узких треугольника, и частокол зубов, когда улыбается. Но внутри жил благородный пес. А главное — он был свой.

Девушкам повезло, что Каспер пропустил комментарий мимо ушей. А вот Лев — не пропустил.

Он сделал быстрый шаг, нагнулся и схватил ту самую девушку за щиколотку.

— Гав! — спокойно сказал Лев прямо ей в спину.

Та взвизгнула так, что, кажется, где-то посыпалась штукатурка. Дёрнула ногой, вырвавшись из захвата и отскочила, чуть не сбив подруг.

Они остолбенели и вдруг разразились нервным, истеричным смехом.

— Ты... ты с ума сошёл?! — выдохнула девушка, глядя на Льва круглыми глазами.

Он распрямился, отряхнул руки и обезоруживающе улыбнулся.

Компания ретировалась быстрее, чем мы успели сказать рок-н-ролл. Только каблуки застучали по коридору. Напоследок обернулись и бросили на нас такой взгляд, будто мы были шайкой сумасшедших.

Все, едва сдерживая смех, смотрели на Льва. Он же стоял с видом человека, только что совершившего великий подвиг.

Каспер, кажется, тоже понял, что произошло что-то важное. Замахал обрубком хвоста и посмотрел на хозяина с обожанием.

— Лёва, ты гений, — восхищённо произнес Серж.

— Я за Каспера кого угодно покусаю, — спокойно ответил он. — Или хотя бы гавкну.

— А если бы она в милицию побежала? — спросил Гром. Но и в его голосе слышалась усмешка.

— А что я такого сделал, — пожал плечами Лев. — Я просто по-собачьи поздоровался. Это не запрещено. Р-р-р — закартавил он.

Мы пошли дальше. Этот псих с щербатой улыбкой нравился мне всё больше.

За день до выступления Гром появился на репетиции с чехлом. Не своим — другим.

— Держи, — сказал он, протягивая его мне. — Погоняй, привыкни.

Внутри была бас-гитара. Ibanez. Не чета моему «Уралу».

— Откуда?

— У ребят из «3-27» взял для выступления. Сыграешь — вернёшь.

— Но...

— Никаких «Но». Будешь позориться на «Урале» — убью. Ради искусства.

Я взял гитару. Лёгкая, после «Урала» практически невесомая. Струны не нужно было продавливать. Казалось, что она играет сама по себе. Охренеть! Это как пересесть с телеги на иномарку. Но для того, чтобы это понять, мне был дан «Урал». А после нужно было заслужить право на такой

инструмент. Да. Мне до него ещё расти и расти. Зато теперь я знаю, в какую сторону.

— Добро пожаловать в цивилизацию, — усмехнулся Гром.

Утро следующего дня было нервным.

Мы собрались в ДК за три часа до комиссии. Настроили аппаратуру. Прогнали песни.

— Сойдёт, — немного покривившись, сказал Гром. — Если не считать того, что… Короче, нормально.

Теперь я периодически поглядывал в зал, прикидывая, где расположится комиссия.

— Дыши, — сказал Каа. — Или ты хочешь упасть в обморок до того, как они войдут?

Я сделал глубокий вдох и огляделся.

Серж прожигал дыру в полу нервной ходьбой. Лев отбивал ритм палочками по коленям. Ещё немного — и я присоединюсь к нему для исполнения композиции под названием «Нервный грув». Гром сидел, уставившись в одну точку. Даже «Не ваше дело» заметно переживали: Матвей нарезал круги, иногда чуть не сталкиваясь с Сержем, а Аркаша молчал.

Вот кто не волновался совсем, так это Игнат. Он развалился на стуле с довольным лицом и витал где-то в облаках.

— Ты как? — подошёл я к нему.

— Я? — спросил он. — Как обычно.

— Сейчас же придёт комиссия?

— Ну да. Жду.

— Ты что совсем не волнуешься?

— Зачем? — удивился Игнат. — Волноваться стоит тогда, когда ты уже в воде и не умеешь плавать. А пока ты на берегу — волнение утопит тебя раньше времени.

— Так не бывает.

— Ещё как бывает. Когда меня выгнали со второй школы, я волновался. Потом перестал, но меня всё равно выгнали. Зато я, хотя бы, не мучился. Так что теперь просто жду.

— Знаешь, ты прям как Шико.

— Это что такое?

— Не что, а кто. Шут такой был.

— Да иди ты.

11:00 — дедлайн. Никого.

12:00. Серж сжал кулаки:

— Я поеду в администрацию.

— А если они придут, пока тебя нет? — попытался удержать его я.

— Тогда играйте без меня.

13:00. Серж вернулся.

— Сказали, что произошла накладка. Будут к 15:00.

Ну хоть что-то.

В **14:50** дверь зала открылась.

Вошло три дамы. Одна из них с папкой. Нет — четыре. Галина Николаевна тоже была с ними.

— Ну, молодые люди, — сказала та, что с папкой. — Что

вы хотите нам показать?

Мы встали, как нам до этого велел Гром. Организм перешёл в режим аварийного сброса — всё лишнее норовило покинуть тело через нижний выход.

— Начали, — шепнул Серж.

Лёва дал счёт.

И… словно прыжок в ледяную воду. Диафрагму свело судорогой, я не мог вдохнуть, словно грудь схватили стальным обручем. Естественно, тут же сбился. В испуге огляделся: все были заняты своими партиями, и до моих косяков никому не было дела. Гадливых гримас я не увидел, а мир не рухнул.

И тут пришёл эндорфиновый удар. Я поймал опору в бочке барабанщика и почувствовал почти наркотическую эйфорию. Всё это буквально в течение нескольких секунд.

Когда освобождали место для блока «Не вашего дела», то уходил с ощущением победителя. «Я жив. Я победил. Я сделал это».

— Ты предотвратил аварийный сброс, — добавил Каа.

Пятна лиц комиссии в зале снова обрели резкость.

— Что ж, интересно, — сказала дама с папкой. — И чего вы хотите?

— Нам нужны помещение и аппаратура для репетиций, — уверенно произнёс Серж. Было заметно — он доволен и торжествует. — Мы будущее дальневосточного рока.

— Галина Николаевна, у вас найдётся помещение? — да-

ма повернулась к директору Дворца Культуры.

— Разве что комната в подвале, — ответила она.

В подвале? Я не ослышался? — возмутился Каа. — Нас, интеллигентных музыкантов, в подвал?

— Помещение для вас будет.

Мы расплылись в улыбке. Даже Гром.

В принципе, — задумчиво продолжал голос в моей голове, —подвал — это даже правильно. В самый раз для рок-музыкантов.

— А вот с аппаратурой помочь не можем, — продолжила дама.

— А эта? — Серж показал на комбики, стоящие на сцене.

— Это аппаратура Дворца культуры. Она нужна на сцене для нашего танцевального коллектива.

— Так давайте и мы будем заниматься на сцене? — начал торговаться Серж.

— На сцене репетировать вы больше не будете. Это для кружков. Для вас мы выделили помещение.

Похоже, наши надежды рухнули.

Фестиваль! — воскликнул Каа. — Чёрт, мы же едем на фестиваль!

Я открыл рот, чтобы выпалить этот аргумент, но тут же прикусил язык.

— Не торопись, — остановил меня Каа. — Кто вы для них? Мальчишки с гитарами. А вот «Не ваше дело» — опытные музыканты, это же сразу видно. Если скажут они, то

прозвучит весомее.

Я дёрнул Матвея за рукав:

— Скажи им про фестиваль. Это может сработать.

Матвей кивнул и подошёл к микрофону:

— Ребята будут представлять город на Дальневосточном фестивале.

Его голос прокатился по залу.

— Мы искренне желаем им удачи, — сказала дама, вставая с кресла. — На этом всё.

Комиссия покинула зал.

— Мы же прошли прослушивание? — вертел головой Игнат.

— Похоже, что да, — уныло кивнул Серж.

— И нам дали помещение?

— Дали.

— Но без аппаратуры? Я правильно понял?

Серж замолчал, но Игнат ждал ответа.

— Без, — сказал я.

— И на сцене больше нельзя?

— Нельзя, Игнат.

— Тогда как мы будем репетировать?

Парни из «Не вашего дела» переглянулись:

— Ладно, бывайте, — сказал Матвей, натягивая куртку.

— Удачи, — махнул рукой Аркаша.

— Понятно, — вздохнул Гром, глядя им вслед. — Но они были с нами и пытались помочь.

Мы проводили их взглядом. Один высокий, другой — коротышка. Два полюса одного магнита. У самого выхода Аркаша обернулся:

— Приятно было поработать. Но без базы, сами понимаете — никак. Если что — мы в городе.

— Сергей, — к нам подошла Галина Николаевна, — пойдем покажу помещение.

— Подвал? — уточнил Игнат.

— Зато своё, — отрезала она.

Мы пошли. Мимо каких-то дверей, вентиляционных коробов. Ниже. Ещё ниже. Пришли.

Подвал. Комната.

Метров пятнадцать, не больше. Бетонные стены, потолок. Земляной пол. В свете тусклой лампочки не видно ни одной розетки.

— Это шутка? — оглядел комнату Игнат.

— За неимением гербовой, — ответила Галина Николаевна, — иногда приходится писать на туалетной. Это всё, чем я могу вам помочь, — она развела руками. — Вы же сами всё слышали. Осваивайтесь.

Я представил, как мы тут будем играть. Звук будет отражаться от стен, и мы оглохнем под собственный аккомпанемент. Бетон, земляной пол и тусклая лампочка. Это могила для мечты.

— Нужна звукоизоляция, — сказал я, постучав по стене.

— Денег нет, — отрезал Серж.

— Аппаратуры тоже нет, — протянул Гром.

— И барабанов нет, — вздохнул Лев.

— Что делать будем? — спросил Игнат.

— Похоже, накрылся фестиваль медным тазом, — подвел я итог.

Серж было встрепенулся после этих слов, но тут же затих. Даже его настигла реальность.

Нас признали. Но ровно настолько, чтобы дать место, где, как оказалось, играть было невозможно.

Мы вышли из ДК, и каждый пошёл в свою сторону. Только мы с Игнатом вместе, потому что жили в соседних подъездах.

На этом закончился первый этап становления группы.

***

Intermezzo. *Я похлопал себя по карманам в поисках пачки сигарет. Нашёл — осталась последняя.*

Тогда тоже был подвал. Он казался нам финалом. А этот — я оглянулся и посмотрел на распахнутую дверь, с внутренней стороны которой, мужичок в спецовке и с карандашом за ухом, приглашал посетить магазин — стал.

У нас получилось, потому что тогда мы верили, что это не конец. Да, мы взяли паузу. Да, большую. Собрались с силами, разбег и…

А сейчас… я даже не знаю, куда идти. Значит, начнём с малого — купим сигарет. Закрыл дверь подвала и перевёл взгляд на улицу. Впереди был Город. Он жил своей жизнью.

Ему не было до меня дела.

Дальше начинается совсем другая история, совсем другая жизнь. Главное, чтобы в ней был табак.

— «Но если есть в кармане пачка сигарет…» — напевая пошёл в сторону ближайшего ларька.

Interlude № 1.

«Работа избавляет нас от трёх великих зол:
скуки, порока и нужды.»
Вольтер

Группа разбежалась. Каждый пополз в свою нору зализывать раны после фиаско с получением базы. А когда вылезал — бывало, пересекались. Ей богу, как кроты, только с гитарами.

Игнат, например, решил налаживать личную жизнь.

Игнат и личная жизнь.

Это звучит почти как диагноз, потому что у Игната она не могла быть просто личной жизнью — она сразу становилась цирком, драмой и комедией одновременно.

Ещё бы: он метался между ней, работой и гитарой с грацией человека, который пытается усидеть на трёх стульях одновременно.

— Ты не понимаешь, — говорил он мне во дворе, затягиваясь сигаретой. — Она требует души. Работа требует внимания. Гитара требует денег. Или, наоборот, но кто-то чего-то постоянно требует. Я просто разрываюсь.

— На сколько частей? — уточнил я.

— Пока на три, — вздохнул он. — Но процесс деления идёт.

Я хотел спросить, не боится ли он превратиться в элементарные частицы, но Игнат уже светился:

— Зато музыка собирает меня обратно. Она — мой якорь.

Через неделю девушка уплыла, а Игнат, бросив во дворе свой якорь, играл и довольно жмурился. Аргонавт хренов.

— Смотри, кто идет, — я присел рядом с ним.

В арке дома показалась рыжая шевелюра.

— Наставник, — уважительно, но с некоторой долей иронии произнес Игнат.

Гром. Человек без маски.

Гром увидел нас и… улыбнулся.

Ну как улыбнулся. Уголки губ приподнялись, глаза чуть сощурились.

— Как жизнь? — спросил я, готовясь услышать сухое «нормально».

— Да ничего. Что играете? — спросил он у Игната, закуривая.

— «Переверни страницу» Боба Сигера знаешь? — ответил я вместо Игната.

— Ого! Не ожидал, — оживился Гром. — Там гитара в куплете буквально имитирует шум дождя.

— Вот Игнат не просто перевернул страницу, а вырвал, сложил самолётик и запустил в сторону бывшей.

Я похлопал по скамейке, чтобы он присаживался:

— Видишь, какой довольный теперь.

Гром опустился на скамейку:

— Представляете, а я сейчас ремонтом занимаюсь. Так жена хочет стены цвета «прованс».

— Это как? — опешил Игнат.

— Вот и я спрашиваю, а она: «Как лаванда, но если её немного выстирать». До сих пор не могу представить.

— А я могу, — Игнат положил гитару рядом. — Могу представить, как ты ловишь образ выстиранной лаванды. Картина — маслом.

— Да мне, собственно говоря, всё равно какого цвета будут стены. Хочет прованс — сделаю прованс. Зато сын меня учить начал.

— Тебя? Сын? Как это?

— Принёс молоток — я попросил. Так он говорит: «Пап, а почему ты гвоздь криво забил?». Отвечаю: «Потому что торопился». А он: «То есть, если не торопиться, получится ровно?» Знаете, парни, тут я и задумался. Ведь мы всегда куда-то спешим. Чего далеко ходить: фестиваль через три месяца, для администрации — две недели. А через год что? «Олимпийский»? Может, поэтому и жалуемся потом, что всё идёт криво?

Так мы проболтали минут двадцать.

— Гляди-ка, на репетиции слова из него не вытянешь, а переключился с гитары на молоток и ударился в философию, — усмехнулся Каа.

— Может, он всегда таким был? Просто мы не видели.

— Или маску надевал. Чтобы вы не расслаблялись.

— А теперь прямо другой человек. Может снял, пока репетиций нет?

Вот кто не менялся, так это Серж. Мы с ним решили открыть шаурмичную.

Серж. Дон Кихот.

— Прикинь, в городе нет шаурмы. Никто не делает. Это надо исправить. Давай организуем?

С работой, было тяжело, вернее с её отсутствием. Так что идея была стоящей. Только сразу возник вопрос:

— А на какие шиши мы её откроем?

— Меня скоро сократят и должны будут закрыть все долги, — Серж загнул палец, посмотрел на него и убрал руку. — Вот и купим всё необходимое.

— Это когда ещё будет, — протянул я. — Ты уже месяц сокращаешься.

— Так чего ждать, мы пока всё подготовим.

Он встал, прошёлся по комнате:

— Я уже место даже присмотрел.

— Где? — я поднял голову.

— Напротив Дворца пионеров. На остановке.

Я задумался:

— Место не самое проходное.

— Зато аренда должна быть дешёвой, — заметил Каа. — И клиентура всегда голодная и непривередливая.

В словах Каа был смысл.

— С чего начнём? — повернулся я к Сержу.

— С ветряных мельниц, — усмехнулся Серж.

— Что ты имеешь в виду? — не понял я.

— С бюрократии, — он покачал головой. — Нам сейчас столько кабинетов обойти придётся.

— Значит, в СЭС? — предложил я первое, что сразу приходило на ум.

— Давай, в первую очередь, место застолбим. Нужен главный архитектор.

— Хорошо, только у меня есть два вопроса. Первый — когда учился в Питере, то там она называлась шавермой.

— И в чём вопрос?

— Что мы будем делать шаурму или шаверму?

— Думаю, что мы назовём наше заведение «Не Питер». Я ответил на твои вопросы?

— Нет. Их же было два. Второй — если закажут пять штук, то чего? Шаурм или шаурмей?

Серж задумался. Посмотрел вверх, что-то прикидывая, потом на меня:

— Поехали к архитектору, умник.

Тот принял нас без проволочек. Седовласый чиновник с проницательным взглядом выслушал, кивнул:

— Идея хорошая. Только есть одно «но». Вам нужно оборудовать эту остановку. Она должна быть капитальной: с лавочками, урнами, табло, освещением. И уже при ней откры-

вать точку общественного питания.

Серж поперхнулся.

— Самим? — переспросил он голосом человека, которого попросили построить пирамиду Хеопса из спичек.

— Зачем самим. Можете найти подрядчика, но за свой счёт.

— Так это же будет стоить… — прикинул я.

Архитектор достал папку, нашёл нужное место:

— По смете получается… — он назвал сумму, которая для нас прозвучала как бюджет небольшой африканской страны.

— Но мы же просто шаурму хотим продавать.

— Правильно, и для этого нужно подготовить место как положено. Как вы потом другие инстанции проходить будете?

Мы вышли. Закурили. Через дорогу находилась остановка. Такая, как положено.

— Красивая, — сказал Серж, глядя на неё. — Ладно, пока не судьба.

— Ветряные мельницы победили? — поинтересовался я. Стало понятно, что не открыть нам точку общепита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.